

На протяжении более 400 километров Красная Армия вышла нашим государственным границе с Румынией и Чехословакией. Преследуя врага, наши войс вступили на румынскую террито рию. На нашем снимке запечатле момент перехода войсками 1- Украинского фронта нашей гран цы с Румынией. На верхнем снй ке: моторизованные части Кра ной Армии на улицах румынско го города Серета.

Фото А. Шайхста.

Фронт и тыл

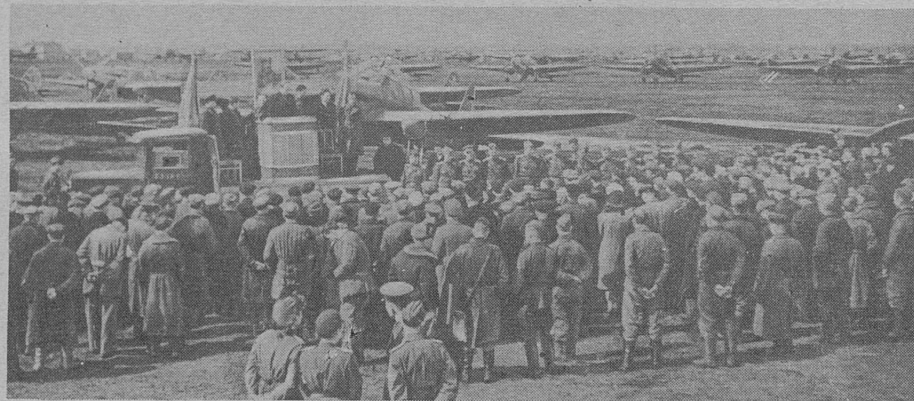
Командир подразделения торпедных катеров старший лейтенант Г. А. Рогачевский — участник обороны Одессы и Севастополя 1941—1942 годов. Весной нынешнего года его подразделение снова сражалось у берегов Крыма, громя немецких захватчиков в районе Севастополя. За боевые дела тов. Рогачевский награждён орденом Красного знамени и двумя орденами Красной звезды.

Лётчик гвардии старший лейтенант Мария Смирнова (справа) и штурман гвардии лейтенант Дуся Пасько совершили на ночном бомбардировщике более 650 боевых вылетов. Мария Смирнова награждена орденами Красного знамени, Александра Невского и Красной звезды; Дуся Пасько — орденами Красного знамени, Красной звезды и Отечественной войны.

До войны сержант К. М. Казаков работал на заводском ремонтном заводе в Архангельске. Сейчас он бьёт немецких захватчиков на юге Украины. На груди сержанта Казакова ордена Славы II и III степеней и две медали «За отвагу».

Трудящиеся города Куйбышева построили на свои средства 12 самолётов. Недавно эти самолёты были переданы Н-ской гвардейской авиачасти. На снимке вверху: общий вид митинга по случаю передачи самолётов.

На железных дорогах страны ширится движение «миллионеров», взявших на себя обязательство увеличить пробег паровозов без капитального ремонта до миллиона километров. На нижнем снимке: бригада Героя социалистического труда машиниста И. Ф. Панина, присоединившегося к движению «миллионеров». Справа налево: И. Ф. Панин, кочегар П. Т. Дмитриева и помощник Г. И. Коботов.

Депутат Верховного Совета Казахской ССР Л. Н. Тютяев — знатный врубмашинист шахты № 33 в Караганде. Он систематически выполняет по три нормы за смену. Тов. Тютяев награждён орденом Ленина.

Партизанка Мария Шевчук за смелую операцию в районе Тарнополя удостоена высокой награды — ордена Ленина. Она лично взорвала на станции Шепетовка 20 паровозов, 13 цистерн с горючим, водонапорную башню, входные и выходные стрелки.

ВРУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ ОРДЕНОВ И МЕДАЛЕЙ

10 мая в Посольстве Великобритании в Москве состоялась церемония вручения орденов и медалей, которыми Король Великобритании Георг VI наградил в 1943 году красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов Красной Армии, а также моряков советского торгового флота. Ввиду того, что награждённые, будучи заняты своими военными обязанностями, не могли лично принять награды, Посол Великобритании в СССР г. А. К. Керр передал ордена и медали Народному Комиссару Иностранных Дел тов. В. М. Молотову для последующего вручения их награждённым.

На церемонии передачи орденов в Посольстве Великобритании присутствовали: Посол Канады г. Л. Д. Уилгресс, Посланник Австралии г. Д. Д. Малоней, Советник Посольства Великобритании г. Д. Бельфур, Глава Военной Миссии Великобритании в СССР генерал-лейтенант М. Б. Бэрроуз, Глава Военно-Морской Секции Военной Миссии Великобритании в СССР адмирал Д. Б. Фишер, Глава Армейской Секции Военной Миссии Великобритании в СССР полковник Р. Г. Тернер, 1-ые секретари Посольства Великобритании г.г. П. М. Кроствейт, С. Л. Бардетт, Ч. Г. Гиффорд, Т. Г. Барман, Д. В. Лоуренс и др.

С советской стороны присутствовали: Заместитель Народного Комиссара Иностранных Дел СССР А. Я. Вышинский, Народный Комиссар Военно-Морского Флота Адмирал Н. Г. Кузнецов, генерал-полковник Ф. И. Голиков, генерал-полковник авиации А. В. Никитин, ответственные сотрудники Наркоминдела СССР К. В. Новиков, Ф. Ф. Молочков, Б. Ф. Подцероб, В. Н. Павлов, генерал-майор В. Н. Евстигнеев и капитан 1-го ранга Н. П. Египко.

Г-н А. К. Керр и тов. В. М. Молотов при вручении орденов и медалей обменялись речами.

На фото сверху: Посол Великобритании в СССР г. А. К. Керр передаёт ордена и медали Народному Комиссару Иностранных Дел тов. В. М. Молотову.

На фото справа: после вручения орденов. Народный Комиссар Иностранных дел В. М. Молотов и Посол Великобритании в СССР А. К. Керр.

Фото Г. Петрова

ЗАЕМ ПОБЕДЫ

Третий военный заем, выпущенный 5 мая на сумму 25 миллиардов рублей, размещен за 6 дней на 28 миллиардов 64 миллиона 170 тысяч рублей.

В заводских цехах, на колхозных полях, в научных лабораториях, в окопах и землянках—всюду подписка на заем проходила с необычайным воодушевлением. Блестяще завершенная в 6 дней подписка на заем явилась всенародной демонстрацией советского патриотизма.

Рабочие Н-ского авиационного завода подписываются на Третий военный заем.

Фото Д. Черного (ТАСС).

Подписка на заем в Н-ской части.

Фото Ф. Левшина.

В ордена Ленина колхозе «Память Ильича» (Мытищинский район, Московской области) только за один день подписки колхозники внесли наличными 850 тысяч рублей. На снимке: колхозница Татьяна Чибрикова вносит 4 тысячи рублей.

Фото С. Короткова.

Румыния — страна резких контрастов. Здесь можно встретить оборванца, несколько месяцев не менявшего белья, который зато кокетливо носит фетровую шляпу и лихо закручивает нафиксатуренные усы. Нередко румынская деревня представляется издалека чистой, уютной. Хаты снаружи побелены, наличники окон выкрашены. Но откройте дверь такой хаты — и вас обдаст смрадом. Вместе с людьми здесь обитает скот, дети копошатся в грязном и призрачном тряпье.

Не весьма отрадное впечатление оставляет и город Ботошани. Внешне он, впрочем, центр его довольно красив и благоустроен, но самое существование этого города среди нищих румынских деревень кажется странным и неоправданным. Он напоминает яркий шелковый галстук на шее бедняка, одетого в рубище. В десятках окрестных деревень не встретишь ни одной лавки. Зато в Ботошани все центральные улицы сплошь состоят из магазинов. Многие магазины сейчас пусты: их разграбили бежавшие из города немцы.

Большую территорию в центре города занимают улицы, где живёт румынская знать. В зелени садов стоят щегольские особняки с колоннадами, с взметнувшимися ввысь шпилями. Впрочем, в Ботошани нет больших богачей. В особняках здесь живут помещики средней руки, торговцы, чиновники.

Окраины Ботошани — прямая противоположность его центральному улицам. Нищета беспредельная. Рахитичные дети. Низкие, накренившиеся домишки. Больные здесь лежат по несколько дней без медицинской помощи: нет денег, нечем заплатить доктору.

В румынских деревнях люди редко пекут обыкновенный хлеб. Некоторые старожилы пытаются объяснить это особой любовью местного крестьянина к мамалыге. Но нам приходилось наблюдать, с какой жадностью ели румынские ребятишки куски хлеба, которыми их угощали наши бойцы. Как видно, не во вкусах тут дело, а в том, что здесь хозяйничали немцы. Сколько бы ни посеял румынский крестьянин пшеницы или ржи, — у него забирали всё до последнего зерна. Зато кукурузой немцы меньше интересовались, и поэтому сейчас она почти вытеснила все остальные культуры.

В РУМЫНСКОМ ГОРОДЕ

ИЗ БЛОКНОТА ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Капитан Б. Гехман

Сельское хозяйство Румынии в результате немецкого хозяйничанья находится в состоянии упадка. Впрочем, упадок коснулся и других отраслей жизни страны. В Ботошани, городе, насчитывающем несколько десятков тысяч жителей, вся «индустрия» состоит из одного маслобойного завода с пятнадцатью рабочими.

Поспешно отступая, немецкие и румынские войска не успели нанести городу больших разрушений, но зато немного спустя немцы в бессильной злобе подвергли его кварталы бомбёжке. Среди гражданского населе-

На другой день в город прибыл наш полевой госпиталь. С восхищением и надеждой смотрели жители Ботошани на молодую энергичную женщину, капитана медицинской службы Кононенко, ведавшую организацией госпиталя. Уже через несколько часов по прибытии наши хирурги приступили к работе, и десятки жизней мирных граждан были спасены.

В небольшом особняке помещается советская военная комендатура. Сюда приходят с тяжбами, жалобами. Комендант Ботошани и его помощники вежливо принимают посетителей и терпеливо разъясняют, что советская

Ботошани Думитри Руссу, пожилой человек с длинной седой бородой, вежливо встречает у дверей своего кабинета, усаживает в кресло и сам садится напротив. На стене портреты короля Михаила I и королевской матери Елены, на столе национальный румынский флажок.

— Прошу вас засвидетельствовать в советской прессе, — говорит через переводчика префект, — что мы, румыны, восхищены дисциплинированностью ваших войск, лояльным и внимательным отношением советских властей к нуждам, обычаям и правам жителей Румынии.

Далее префект рассказывает, как немецкие войска при отступлении разрушили городской театр, вывели из строя водопровод, сожгли несколько ценных зданий. Единственная в городе больница разрушена, закрыты школы. Сейчас префектура восстанавливает городское хозяйство.

В магазинах много людей, но на улицах их ещё больше. В Румынии торгуют, продают и покупают главным образом на улицах. Бесчисленные парикмахеры заывают посетителей, чистильщики сапог шумят, стуча щётками. Вдруг раздаются резкие удары в барабан — все умолкают и собираются вокруг барабанщика-глашатая, который оглашает очередное извещение полиции или примарию.

Часами стоят жители на улицах Ботошани, наблюдая за прохождением наших войсковых колонн, машин, танков, орудий — их поражает боевая мощь советской техники. Что знал средний румын о Советском Союзе, о нашем народе, его истории, его настоящем? Почти ничего. В Румынии долго и упорно создавали глухую стену молчания вокруг нашего государства. Были мобилизованы все средства агитации, чтобы заглушить голос правды о Советской стране.

Книги на русском языке безжалостно сжигались, о России говорить и писать было запрещено. Несколько раз по приказу властей были проверены все общественные и личные библиотеки. За хранение русской литературы виновные подвергались тюремному наказанию. В Ботошани был оштрафован один учитель, хранивший в своей личной библиотеке... французский перевод романа Л. Толстого «Анна Каренина».

Что же получилось? Многие юноши и девушки, окончившие полный курс лицея, не имеют понятия о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Тургеневе,

Советские танки на улицах города Ботошани.
Фото лауреата Сталинской премии А. Кричевского

ния были жертвы. В городе много особняков с медными вывесками на дверях: «Доктор медицины», «Доктор по всем медицинским специальностям». Но после бомбёжки выяснилось, что хоть вывесок и много, а врачей, по существу, мало. Некоторые врачи не могли оказать должную помощь раненым, потому что среди «докторов по всем медицинским специальностям» нет ни одного, хорошо владеющего хирургическим ножом.

военная комендатура не вмешивается в дела и споры румынских граждан и учреждений и что по всем этим вопросам следует обращаться к румынским органам власти: в префектуру, в примарию, в полицию, в румынский суд.

...Огромное двухэтажное здание префектуры. В вестибюле много народу: это приехали представители из волостей. Их принимает уездный агроном Думитри Кондораки. Префект

Жители города Ботошани радужно встречают советских танкистов (снимок слева). Румынские крестьяне беседуют с нашими мотоциклистами-автоматчиками.
Фото Н. Колли

Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» Б. Цейлина

На снимке (справа налево): командир артиллерийской части майор И. Трассоруб, награждённый орденом Александра Невского, двумя орденами Красного знамени и орденом Красной звезды; старший лейтенант В. Кудра, награждённый орденом Отечественной войны и орденом Красного знамени; заместитель командира части майор В. Иванов, награждённый орденом Александра Невского, Красного знамени, Красной звезды, Отечественной войны и медалью «За отвагу».

Этот немецкий эшелон спешил на юг. Наши артиллеристы постарались сократить его маршрут.

На наших снимках запечатлён один из славных эпизодов грандиозной битвы на Юге. Н-скому артиллерийскому соединению было дано задание — отрезать врагу пути отхода. Немцы отчаянно сопротивлялись. В одном пункте 500 гитлеровцев при поддержке 50 танков и самоходных орудий атаковали артиллерийскую часть Трассоруба. Но прорваться врагу не удалось. Он был разгромлен огнём наших орудий. Особенно отличились в этом бою батареи старшего лейтенанта В. Кудра. Враг оставил на поле боя 150 трупов своих солдат и офицеров, 11 танков, в том числе 3 «тигра», 15 автомашин и 30 повозок. На следующем рубеже в поле действия артиллеристов оказался вражеский эшелон из цистерн с горючим. Несколько метких снарядов батареи тов. Кудра — и эшелон остановился. Нашим артиллеристам достался ценный трофей — горючее.

Достоевском, Чехове, Горьком. Эти великие имена русской и мировой литературы не вызывают у них никаких воспоминаний. Студент-химик из Бухарестского университета ничего не знает о Ломоносове, о Менделееве — создателе периодической системы элементов — только потому, что Менделеев был русским.

***

Перекрёсток улиц в Ботошани. Многолюдная толпа обступила одного нашего лейтенанта. С помощью нескольких общепонятных слов, а главное, жестов жители города стараются рассказать лейтенанту о бесчинствах немцев. И вдруг какая-то женщина на чистейшем русском языке, немного окая, спросила:

— Чего же, родные, вы к нам не заглядываете?

Лейтенант обернулся. Перед ним стояла женщина в настоящем русском сарафане, повязанная платком, как у нас в Рязанской области. Она улыбалась по-родному, широкой, русской улыбкой.

— А ты как сюда попала, милая? Из каких краёв?

— Липоване мы. Мужики наши плотниками работают...

Вечером мы познакомились со священником русской православной церкви в Ботошани Василием Сыроевым. Он рассказал историю русских старообрядцев в Румынии. Много десятков лет оторваны они от родины. В последнее двадцатилетие не получили ни одной весточки с родной зем-

ли: румынская цензура не пропускала писем из Советского Союза. Но липоване сохранили на чужбине свой язык, свои обычаи, нравы, народные костюмы, даже свои школы. Их любовь к далёкой родине осталась непоколебимой, несмотря на территориальную разобщённость и многолетнюю насильственную румынизацию.

***

Уже многих советских бойцов и офицеров видели жители города Ботошани, но всё-таки, как только раздаётся задорная красноармейская песня или послышится гул танков, люди снова выбегают на улицу. И снова недоумевают: откуда берётся у советских солдат, проделавших тысячекилометровый поход, эта бодрость

духа, с которой они идут в бой, эта выносливость, эта подлинная боевая удаля?

На площади Кароля I в Ботошани возвышается памятник. Бронзовый офицер стоит в грозной позе, направив дуло своего пистолета на северо-восток — на Россию. Скульптор, видимо, стремился придать облику офицера зловещий вид. Румынская военщина долго бряцала оружием, жадно поглядывая на чужие земли, особенно на земли советского государства.

Теперь наши войска в Румынии. Мимо бронзового памятника в Ботошани проносятся с рёвом один за другим советские танки. Стволы наших орудий повернуты на запад, и никакая сила не сможет предотвратить полный разгром врага.

Город Ботошани.

РУССКОЕ МОРЕ

Владимир Козин

Рассказ

Рисунки Н. Кузьмина

1
Ягмур родился в пустыне, у Пёстрого Колодца, в кибитке пастуха; вырос и был воспитан в оазисе Лебиаб, что значит «Спящий у воды».

Родители Ягмура погибли в годы гражданских битв, когда — в зное, голоде и величии — по среднеазиатскому железнодорожному пути катилась «война эшелона». Чёрный мальчик питался у чужих костров, спал, где случалось заснуть, среди привычных просторов пустыни. Он родился рядом с нуждой; она заставила одинокого Ягмура быть настоящим, суровым, лукавым.

В год национального размежевания среднеазиатских республик Ягмур встретился у забытых колодцев со Степаном Лихачёвым. В нехоженом краю Красной Пустыни, где не было караванных троп, Ягмур довил сусликов на завтрак, Степан же охотился на диких песчаных котлов. Их крепкие нежные шкурки пожилой охотник задумал подарить своей молодой жене на подушубок.

Охотники неожиданно встретились в утренней тени, под развалинами глинобитного колодца, и разговорились.

«Способный мальчишка!» — подумал Лихачёв, позавтракав ловко поджаренными сусликами Ягмура. Ягмур сидел перед ним голый и сдержанно смеялся. Лихачёв знал язык туркмен и, наевшись досыта, рассказывал семилетнему Ягмуру новости о жизни в оазисах и неведомых городах. Мальчику понравился толстый задорный охотник в белых брезентовых сапогах и красном туркменском халате, и когда Степан вдруг сказал Ягмуру: «Поедем со мной в Лебиаб, поживёшь у меня!» — мальчик подумал и согласился, предварительно спросив: — «А люди в твоём Лебиабе не голодают?»

На третье утро буланный иноходец Лихачёва выдетел из подвижных песков на бугор. С его озарённой вершины была видна дальняя полоса оазиса, и всадниками озадало счастливое чувство, словно они увидели зелень нового мира, а буланный жеребец, почуяв далёкий оазис, заржал.

Жена Лихачёва, русская женщина из тамбовских степей, способная на всё хорошее даже тогда, когда ей плохо жилось, любила своего беспокойного мужа, и его желания были для неё законом. Ягмуру она очень удивилась. Синие глаза её засверкали. «Как две луны!» — быстро подумал Ягмур и потупился: на нём были пёстрые рубашка и трусики Лихачёва, и это было непривычно. Женщина осторожно приласкала мальчишка, и это тоже было новое, неловкое чувство.

— Теперь ты его будешь голубить, знаю тебя, — сказал Лихачёв жене. — Не надо. Пусть мальчишка растёт свободно!

2
Всё, что знойно сверкало под солнцем в оазисе Лебиаб и простиралось на узком пространстве от Великой Реки до Красной Пустыни, принадлежало смелому Ягмуру, но желание всего была Великая Река.

Когда Ягмур впервые увидел Аму-Дарью, её величественный поток, сияющий рябью и внезапными отёками, он окаменел на высоком берегу. Река подмывала нестойкий берег, он шумно осыпался в тишине, отзывался влажными пластинами, но Ягмур стоял и смотрел, не двигаясь, на несущуюся мимо него сияющую пустыню.

Недалеко от берега Аму-Дарья простиралась подстеленная чистой травой священная роща Белый Нос. Так её называли очень давно наши предки, и никто не знал точно, почему такое имя дали небольшой прибрежной роще. Столетние дубы со-

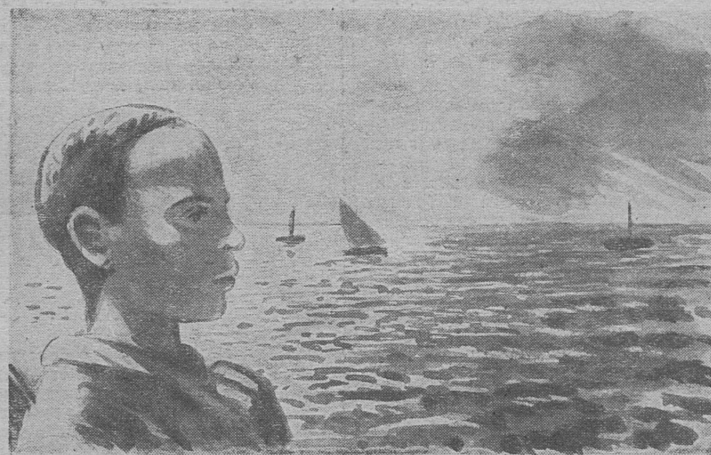
ставляли её неожиданную красоту. В середине рощи стоял древний колодец; грубые заботливые руки пастухов делали его нетленным.

В раскалённый полдень у колодца Ягмур встретил старого разговорчивого пастуха овец и от него узнал обо всём, что лежит и живёт за Великой Рекой, а от своего русского отца Степана и матери Ксении мальчик услышал новое слово: море. Оно во сто раз неогладнее Аму-Дарьи; оно удивительнее Великой Реки; оно глубже, чище, опаснее; оно совершенно.

«Наверное, — подумал Ягмур, — отец Степан и пастух Джума меня слегка обманывают. Но мать Ксения обманывать не может, не умеет!.. Я должен увидеть это море!»

3

На другое лето, в невыносимо знойную ночь, Ягмур исчез. Ксения всё плакала, похудела, подурнела от

Он ни о чём не думал, очарованный видением моря.

тяжёлых мыслей и первый раз в жизни гневно сказала мужу:

— Вот что наделала твоя свобода воспитания! Где хочешь, найди мне моего Ягмура!

— Отыщется! — сказал Лихачёв и начал искать.

Он поговорил с заслуженными «седыми бородами» оазиса, с пастухами овец и погонщиками верблюдов, с чайханщиками и арабаками, с охотниками и капитанами амударьинских лодок.

Ягмур отплыл под утро на большой парусной лодке, гружёной тюками каракулевых шкур, вниз по Аму-Дарье, в Чарджоу.

Плавание было спокойным и незабываемым: ещё один солнечный мир открылся Ягмуру на Великой Сумасшедшей Реке и далёких её берегах. Ягмур нырял с лодки и плыл за ней на боку, как учил его отец Степан. Перепуганные лодочники кричали мальчишке, что он ныряет на верную смерть: коварна Великая Река. Ягмур спокойно вылезал на борт, сушился под солнцем, пел сердечным лодочникам русские песни, какие слышал от отца Степана и матери Ксении, и весёлые лодочники-каюки стали уважительно называть Ягмура «урус-бахши» — «русский певец».

Двое полных суток стремительное и плавное течение увлекло вперёд тяжёлую лодку и, ни разу не посадив на мель, благополучно донесло

её до Чарджоу. Прямо от пристани Ягмур, расспрашивая по-туркменски и по-русски, как пройти, пошёл на станцию железной дороги.

Сердце его было открыто всему новому; он ожидал увидеть необычайное.

Он увидел паровоз.

Ягмур не испугался; он даже не очень удивился. В первую минуту он просто не поверил, что так может быть. Он взглянул на паровоз и закрыл глаза; потом, не шевелясь, приоткрыл их и, прислушиваясь к разъярённому дыханию паровоза, выскользнул за белое здание вокзала, на базарную площадь. Здесь была живая, добрая жизнь.

Поздним вечером Ягмур с толпой туркмен сел в удивительный вагон, и поезд через горячую ночь и пустыню пошёл его на Ашхабад и Красноводск.

Голые, безжизненные скалы Красноводска окружали портовый город

Это были подвиг, счастье и первая страсть на всю жизнь.

Трое суток прожил Ягмур у открытого моря. Море было с ним откровенно: оно показало мальчику всё своё величие в покое и в волнении, под чёрным ветром. И когда Ягмур вернулся в незаметный, поставивший оазис Лебиаб и отец Степан спросил: «Ну, видел Каспийское море?» — мальчик с благодарностью произнёс:

«Видел. Оно показало мне себя».

4

Двадцати двух лет Ягмур окончил зоотехнический институт в Ашхабаде. Профессор Калагин, одарённый и строптивый старик, сказал ему:

— Ваша дипломная работа об однокопытных Туркменистана талантлива не только по своему содержанию, но и по литературной форме. Откуда у вас эта благородная способность? Знаете ли вы, молодой человек, что пять тысяч лет назад древние египтяне считали письмо и литературу откровением богов, а письменный прибор — божественным и священным?

— Нет, — простосердечно ответил Ягмур, — этого я не знал. Я — сын неизвестного пастуха, но меня воспитали большие люди: у моей матери Ксении хороший вкус к слову, а мой отец Степан — великий рассказчик.

— Вам поведало в самом начале жизни, — сказал профессор, — но немало дал вам и наш институт. Нам остаётся поставить заветную точку.

Профессор, получив деньги от государства, повёз сорок молодых людей с дипломами в карманах по всем лучшим конным заводам и племенным рассадникам страны. Путь их был такой: Каспийское море — Чёрное море — Балтийское море, тавернские и воронежские степи, московская и орловская лесные равнины.

— Отец, — взволнованно и строго сказал Ягмур весёлому старому Степану, — я увижу Чёрное море, о котором слышал сто или двести твоих рассказов, я увижу дельфинов! Когда ты впервые рассказывал мне о них, я подумал, что это святые морские люди, самые забавные и чистые на всём свете!

— Ты у меня молодец, — ответил Степан, — ты всегда придумаешь больше, чем тебе расскажут!

Чёрное море Ягмур увидел в лунную ночь.

Поезд пришёл в Батуми поздним вечером, и усталые путешественники заснули в привокзальной гостинице. Но Ягмур не позволил себе спать: он пошёл взглянуть хоть одним глазом на свою мечту.

Чёрное море — весёлое море!

Высокая грузинская луна следила за Ягмуrom, не покидая его среди незнакомых улиц. Улицы были устланы каменными, звонкими плитками; торжественно чернели под лунной пальмой. Ягмур шёл, гордый самим собою: среди такой ночи он сам себе казался сказочным. «Большая у меня жизнь!» — подумал Ягмур и вышел на приморский бульвар.

Луна незаметно обогнала Ягмура и легла через всё море, навстречу гостю. Загадочные пальмы притихли за его спиной; неясный звук рождённой у берега волны и лёгкий запах моря коснулись его, и крупный гравий под ногами зашестал: «Оно ждёт тебя!»

Ягмур не мог уйти от ночного светлого моря. Луна устала быть внимательной к гостю, ушла от него высоко и спустилась, слабая, по другую сторону неба. К Ягмуру разочарованной походкой подошёл местный полуночник и доверчиво сказал:

— Слушай, влюблённый, она не придёт, спать надо!

А днём путешественники купались у Цихис-Цаири.

Пляж лежал, как солнце, присыпанное чистым песком. Море отдалало у зелёных прибрежных скал, и такая была у него ослепительная даль, словно весь заморский мир состоял из солнца. Ягмур вылез на зелёную скалу вслед за своей подругой, Ниной Мартышкиной, лёг, прижавшись к скале, как влажная сильная ящерица, взглянул из-под ладони на солнце и сказал:

— Русское море! Так оно называлось давным-давно, во времена Вешего Олега.

— Ягмур, ты всё знаешь!

— Это мне рассказывал мой отец, Степан, он, действительно, знает всё!

5

После огромных морских окраин, русских степей и равнин молодые учёные разбегались в разные дали, куда кого пригласило на работу государство, и Нину, свою студенческую подругу, Ягмур встретил очень не скоро, на третий год войны, далеко от Туркменистана.

Много, очень много прошло до этого разных лет и событий, знакомств, разлук, путей, нелёгкого труда. Степан Лихачёв научил Ягмура честно трудиться, воспитал в нём страсть к совершенству. Слава Ягмуру: он умел драться за честь своего дела и не склонял гордой головы перед трудностями. Таким и приняла его Отечественная война.

Поздней весной сорок третьего года русская морская пехота наступала из горных республик к Чёрному морю. Ягмур вёл свой батальон по равнинным местам Северного Кавказа.

Рассвет не был замечен из-за близкой грозы, а битва на земле делала невидной грозу. Но когда ливень ударил с озарённого битвою неба, те, кто дрался среди ночи и развалин на степной окраине городка, подняли от земли свои осторожные лица и на мгновение улыбнулись смелому ливню. Вместе с ливнем к глинобитным развалинам, ямам и окопам морской пехоты подошли немецкие танки, зажгли фары и, разрезав чёрный ливень, длинными лучами утащились в невидимую пехоту. В эти медленные секунды Ягмура, свернувшегося в клубок под

мёртвым немецким светом, спросили по полковому проводу с полкового командного пункта:

— Как дела?

— Танки одолели!

— Приказываю город взять!

Спокойствие всегда отличало Ягмура; спокойный быстрее узнаёт, собирается, делает. Огненный осколок выбил из-под его уха телефонную трубку, и луч немецкого танка ударил ему в окровавленное лицо. Ягмур ослеп, упал на мокрую глану, вздрогнул лицом, и ливень смыл с него кровь и грязь.

— На город! — закричал Ягмур так просто, с такой открытой яростью, как кричат в последний раз, когда смерть твоя или город твой, и моряки поползли среди падающих развалин, из ямы в яму...

Гроза ушла в далёкую степь; Ягмур приподнялся над беюй стеной окраинного дома: окраина городка была взята; утренний свет наполнял высокое небо, в огне и дыме показался город, за ним открылось море.

Ягмур ещё выше приподнялся над слабой, подбитой стеной. Синее море блеснуло ему в глаза; море было очень большое и сверкало. «Как глаза мамы Ксении, когда она удивлена!» — быстро вспомнил Ягмур, и море потянуло его к себе жадно, весело, как тянет свободную душу весенняя непостоянная даль, и нельзя было отказаться от этого зова, привычного с детских лет.

Ягмур первым достиг морской воды; прозрачная волна, рождённая у берега, удивлённо подкатилась к его ногам и покорно легла; за ней — вторая, сильнее, выше, и вместе с третьей волной вернулся к берегу утопавший в море полуголый немецкий офицер. Он выстрелил в Ягмура; он умирал стреляя, он умел только стрелять.

Ягмур нехотя опустился на колени и, бессильный, упал в морскую волну; потом перевернулся лицом к небу.

Санитар гвардейского кавалерийского полка Нина Мартышкина нашла Ягмура на берегу, у синего спокойного моря. Четыре пули пробили грудь и плечи моряка; раны не были смертельны: может быть, потому, что их обмыла солёная морская волна.

ПЕСНЯ ПАРТИЗАН УКРАИНЫ

В. Сосюра

Запылали зори, кровью плещет море,
Вороны слетались с вражеской земли.
Рвут на части ката бомбы и гранаты,
Бьют по тьме проклятой бронекорабли.
Чтоб ярма не знать нам, — молодость крылата, —
В сердце супостата — штык твой, патриот!
Юности герои, ратным грозным строем —
Гей, за Украину, сквозь огонь, вперёд!
Ой, от хат печальных ветер смерти веет,
Наших матерей там стон, и кровь, и плач...
Смерти веет ветер... хлеба просят дети, —
Режет их за это чёрный гад-палач.
Череп с костями на его шинели
И на каске ката... Бей его, добей!
Гей, народ мой юный!.. Пусть смеются струны,
Пусть рыдают струны в стороне моей.
Потому смеются, что за солнце бьются
Девушки-смуглянки, парни наподбор...
Гей, в утробу ката бей из автомата,
Насмерть, насмерть гада бей штыком в упор!
С юностью червонной железобетонные
Доты разобьём мы и развеем в прах...
Выйдут спозаранок братья-партизаны,
Выйдет встретить сына наша мать на шлях.
Сын усы расправит: «Здравствуйте, матуся!»
И до звёзд поднимет в тот победный срок,
Словно цвет-калину, славу-Украину.
А она: «Ой, сыну!.. сынку мой... сынок!..»

Перевёл с украинского
С. ОБРАДОВИЧ

ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Мих. Зенкевич

Как половодий иступление,
как мощное течение вод,
Так наших армий наступление,
ломаю, все преграды рвёт.
Как сила солнца золотая
сгоняет рыхлый снег в овраг,
Так, в лужах крови быстро тая,
бесследно исчезает враг.
Величественны и бурливы,
уносят к морю свой разбег
Широководные разливы
освобождённых русских рек.
Петли немецкой нет у горла,
речная гладь светла, быстра,
Свободно морем дышат гирла
Днепра, и Буга, и Днестра.
По чернозёму бездорожий
выходят танки на поля.
Ты стала нам ещё дороже,
родная русская земля!
По плату чёрному распутиц
мы по тебе быстрее идём.
Узлы дорог твоих распутать,
на все моря открыть наш дом.
Как ты изранена, изрыта,
но любим мы тебя сильнее!
И мягко топают копыта
легко подкованных коней.
Для нас ты припасла гостинцы
в узлах твоих больших дорог,
Легко ступают пехотинцы,
не чувствуя тяжёлых ног.
И от врагов с их злобой лютый
очищенные города
Бессмертной славою салютов
гремят в грядущие года.
Они у нас в сердцах влюблённых
и в золотом шитье шелков
На красных боевых знамёнах
дивизий славных и полков.
Они легендой баснословной
врезаются в гранит, в металл.
О них приказ в века Верховный
Главнокомандующий дал!

Санитарка нашла Ягмура на берегу, у синего спокойного моря.

Мих. Щёлоков

Эшелон с разбитыми немецкими «тиграми» пришёл на завод ночью. Когда его переводили на запасный путь, над мартеновским цехом вспыхнуло зарево. Яркие созвездия поднимались и гасли в ночной тьме. Пошла сталь!

— Поздняков плавку выдаёт, — послышался чей-то голос. — Сейчас платформы пойдут. Приготовиться!

Поздняков стоял на площадке и смотрел вниз через синее стекло. Металл падал ровным кипящим потоком. Наполненные уже ковши уходили на разливку, освобождая место для порожних.

— Хорошая, полновесная плавка! — сказал сталевар и покинул площадку.

Бригада готовила печь к новой заправке. Подручные сталевара очищали её от остатков шлака, подносили материалы. Высокий, быстрый в движениях начальник цеха инженер Гарченко тронул Позднякова за плечо и спросил:

— Время?

— За девять часов и три минуты управились. Ускорили на четыре часа.

Инженер улыбнулся. Ему всегда нравилась точность этого сталевара. Сегодня, в последний день месяца, Поздняков сварил тринадцатую скоростную плавку. Это был прекрасный итог. Гарченко направился к выходу. Уже светало. Красные отблески на небе заметно побледнели, и справа от мартеновских цехов отчётливо выступили силуэты доменных печей. Оттуда доносился глухой мощный гул. Перекликались паровозные гудки. Бледный факел огня над коксовыми батареями развевался вдали точно флаг. Состав с железным ломом преградил инженеру путь в цеховую контору.

— «Тигры»? — спросил он у сцепщиков, которые хлопотали возле вагонов.

— Свеженькие!

Инженер взял неуклюжий обломок металла, с рваными, клочковатыми краями. Это была побеждённая крупновская сталь, прожитая насквозь

советским снарядом. И Гарченко вспомнил холодную осень 1941 года, колючий ветер и серое небо над Магниткой, настороженные взгляды людей, толпившихся у репродукторов. Он вспомнил свой утренний разговор с Александром Поздняковым и его другом Тихоном Абраменко, которых он вызвал вместе с мастерами после бессонной ночи, проведённой у директора завода.

— Наш третий цех, — сказал он, — будет варить броневую сталь для танков. Нам первым поручена эта работа.

— В больших стационарных печах?! — удивлённо спросил один из мастеров. — Но ведь мартеновские печи такой ёмкости не применяются для производства легированной стали!

— Это известно, — сказал инженер. — А мы будем варить её в больших печах, которые за одни сутки могут дать тысячи тонн брони. И наша броня будет лучше немецкой. Мы с вами должны побить Крупна!

Поздняков и Абраменко считались в третьем цехе лучшими сталеварами. Они, как и все многочисленные сталевары Магнитки, варили сталь для заводов, где выпускались станки, тракторы, металлоконструкции. Страна росла и строилась, поднимались новые города, прокладывались новые железные дороги. Магнитогорский металл нес почётную службу на всех участках мирного строительства страны. Теперь он был нужен для войны, для битвы с врагом. Теперь требовалась магнитогорская броня. Немцы наступали. У них был перевес в танках. Они рвались к Москве.

Гарченко вспомнил ту первую плавку. Так же ринулась по жолобу огненная струя, вспыхнуло зарево и закрутился хоровод искр, но металл был уже другой: он призывался воевать. На площадке третьего цеха собрались инженеры, безустали трудившиеся над разработкой нового технологического режима. Тихон Абраменко подошёл к ним, и Гарченко понял: сталевар уверен в успехе. Сталевар показал инженеру температурную табличку. В цехе было светло, как днём, и жёлтый листок бума-

ги сразу подтвердил все предположения инженера. Новый тепловой режим выдержан непогрешимо, плавка удалась!

С тех пор прошло много времени и много перемен случилось в третьем цехе. В кабинете гачальника цеха висит плакат: по степному шляху несётся в атаку тяжёлый танк, сделанный из магнитогорского металла. Так было осенью 1941 года. Второй плакат: идёт на врага лавина тяжёлых танков из того же металла. Это весна 1944 года. Так увеличились боевые действия сталеваров Магнитки. Броневой металл идёт из Магнитки мощным потоком и, превращённый в танки, сметает с лица земли полчища врага.

Но это — ещё не всё. Наша советская броня не боится многого из того, перед чем бессильна броня немецкая. Сталевары Магнитки с честью трудились два с половиной года. Они дали фронту мощную броню. Они же дали фронту сталь для снарядов, которые пробивают любую немецкую броню. Эшелоны с разбитыми «тиграми» на станции Магнитогорск и на заводских путях — свидетельство отличной работы воинов Красной Армии и металлургов. Горы «тигрового» лома на Магнитке — это и есть та победа над Крупном, о которой говорил своим сталеварам инженер Гарченко в начале войны.

У сталеваров всё шло хорошо. Гарченко отправился в обжимный цех.

Накалённые докрасна слитки катились по роллгангам блюминга и на пути обжимались валками. Слиток вытягивался, становился брусом, потом исчезал вдали. Там его ждали вырубщики и сортопрокатчики, которые превращали брусок в броневый лист. Но рождалась броня не здесь: творцами её были сталевары. Там, у мартеновских печей, стояли искусные мастера этого металла, они давали ему высочайшую стойкость, делали неуязвимым. Броня начинала свой путь по заводу в стальном мартеновском слитке, она была ещё бесформенной массой, но уже таила в себе грозную силу.

Навстречу эшелонам с трофейным ломом днём и ночью идут из Магнитки груженные металлом составы в город, где рождаются танки, — в Танкоград.

Гарченко расспрашивал работников блюминга о качестве слитков. Недавно мартеновцы ввели новшество: начали разливать металл по изложницам не сразу, а через промежуточный ковш. Сталь не распыливалась, слиток получался ровный, гладкий, и обработка его на блюмингах облегчалась. До сих пор через промежуточный ковш разливали половину металла. Но вот сегодня Абраменко и сменный мастер решили разлить по новому методу всю сталь, и, вспомнив об этом, Гарченко пообещал прокатчикам самые лучшие слитки.

Он зашёл на шихтовой двор. Рабочие разгружали уже разрезанный и отсортированный лом. Уродливые обрывки фашистских свастика, чёрных крестов и тигровых морд, намалёванных белой краской, мелькали в останках немецкой брони.

— Довоевался, гад! — крикнул старый грузчик, сбрасывая с платформы большой скрюченный обломок, и в его голосе слышалось торжество.

На площади, возле проходных ворот, люди стояли у репродуктора. Москва передавала фронтную сводку. Красная Армия продвигалась вперёд. Там, далеко на западе, через горы и реки, через все преграды шли на врага советские тяжёлые танки из магнитогорской брони.

ПИСЬМО

Александр Прокофьев

Ты лети, моё письмо,
Выше облака само!

Где река тесьмой синее,
Долети ты до неё.

Ветра скорого сильнее
Пролети, письмо моё!

Там, где радостнее примут,
Там, где примут всех милей,

На сторонке, на родимой
Опустишь, письмо, скорей!

Лучше ветра быстрого
Ты мой дом разыскивай,

Там ведь ждут тебя давно,
Стукнись голубем в окно!

Никуда не пропади,
В руки милой упади!

Пусть раскроет, пусть читает
Зорька зная моя,

Пусть скорей других узнает,
Как дерусь за волю я!

ПОЛЬСКИЕ ВОИНЫ

В. Антонов

На исходе весны, в последние дни мая, бывают такие прозрачные вечера, когда тишина ощущается с особенной силой. Они приходят мягкой поступью так, что не замечаешь грани между светом дня и первыми тенями сумерек. Постепенно умолкает птичья возня в ветвях деревьев. Воздух тяжелеет, наливается влагой, и в нём начинают звучать новые голоса.

В такой вечер мы познакомились с полковником Берлингом, чьё имя теперь объединяет солдат Польской армии освобождения. Мы стояли на высоком песчаном берегу, среди сосен. Перед нами лежала широкая тёмная полоса реки. За её дальним берегом тянулась просторная равнина, очерченная невысокими холмами. Чернели избы деревушек, резные силуэты церквей. В огромном пламени зари золотом отливали высокие неподвижные облака.

За поворотом реки внезапно родился хриплый, постепенно набиравший силу крик пароходного гудка и долготой потоп трепетал среди берегов. Удивительным покоем и миром веяло от этой картины русской природы. Внезапно откуда-то издали пришла звуки странно задумчивой песни. В ней была затаённая грусть.

— Это мои солдаты, — сказал полковник.

Мы их увидели через десять минут. Сотни две людей прошли в пыльных дорожных куртках, в башмаках, забрызганных грязью, — это была грязь многих дорог изгнания, — в шляпах, в конфедератках, в поношенных кепках. Шаг их был рыхл и вял. Нужно было знать нечто, что не знали мы, чтобы увидеть в этих людях будущих солдат.

В те дни мы ещё жили под впечатлением неслыханного вероломства польской армии Андерса, отплатившей за наше гостеприимство чёрной неблагодарностью. Нужна была страстная вера в успех своего дела, чтобы найти неотразимые слова убеждения. И полковник их нашёл.

— Мои друзья, — сказал он задумчиво, — говорят, что эта река чем-то напоминает нашу родную Вислу, а весь этот уголок очень похож на окрестности Варшавы.

Поздно вечером мы снова встретились с полковником. Его штаб помещался в двух комнатках бревенчатого дома, единственного обитаемого здания в лесу. Скромная свеча едва разгоняла мрак в тесном кабинете будущего командарма. Худощавое лицо полковника загоралось огнём вдохновения, когда он рисовал образ своей родины, освободившейся от оков рабства. За его сдержанными жестами чувствовалась огромная воля и страстная, пророческая вера в победу своей правды.

— Отсюда мы начинаем наш путь на Варшаву, — сказал он с большой силой.

В то время эти слова прозвучали несколько смело. Здесь, на берегу реки, мы видели пока самое скромное начало. Но надо было знать то, что знал полковник. В том небольшом, что мы видели, присутствовала великая идея освобождения отчизны. Полковник понимал её силу и не сомневался, что она соберёт вокруг себя тысячи и тысячи сынов Польши.

Несколько недель спустя, в жаркий июльский день, я снова попал в лагерь польской дивизии. Шумная картина военного бивуака предчувствовалась задолго до того, как мы увидели первого часового. Поднимая пыль, по дорогам мчались вереницы новеньких автомашин с бело-красным флажком на радиаторе. Паромы на реке не знали ни минуты отдыха, подгоняемые нетерпеливыми криками шоферов. Солдат в рогастой конфедератке с большим белым орлом встретил нас у въезда на территорию дивизии. Над зданием штаба развевался государственный стяг Польши. На фасаде горели слова лозунга, с исчерпывающей полнотой

определявшие цели дивизии: «В беспощадной борьбе с немцами пробьём себе дорогу на родину».

В тени деревьев белели строгие линии палаток, разделённых свежим песком дорожек. В воздухе гудел самолёт, где-то за бугром грохотали танки. В этот день Первая польская дивизия принимала присягу. И когда на просторном плацу выстроились полки солдат, одетых с иголочки, с новеньким оружием в руках, я невольно вспомнил разношерстную колонну, которую видел в тот майский вечер. Какая сила могла преобразить людей в такие сказочно короткие сроки?

Это сделали любовь к родине и неутомимый талант полковника Берлинга, впервые нашедший настоящее применение. Волнующее зрелище развернулось перед нами, когда части дивизии торжественным маршем пошли мимо трибуны. Мы увидели великодушных солдат, вооружённых по последнему слову техники. За пехотой двинулась механизированная артиллерия, миномётные части, танки, грозная техника, выкованная на советских заводах.

Спустя некоторое время в тех же лагерях появились части второй дивизии, затем третьей, организовался полк истребительной авиации, закончила свою учёбу польская танковая часть. Так родилась польская армия, во главе которой стоит генерал-лейтенант Берлинг. Она могла родиться лишь благодаря неустанным заботам и помощи Красной Армии, товарища Сталина. Огромную роль в её организации сыграл Союз польских патриотов в СССР во главе с Вандой Василевской.

Польская форма одежды, польские знаки различия, польская речь, слова команды, национальный гимн «Ещё Польша не сгинела» — всё это ежедневно, ежеминутно напоминает солдату и офицеру о его родине.

Первая польская дивизия носит славное имя одного из пламенных поборников свободной Польши — Тадеуша Костюшки. Его портрет выткан на бархате дивизионного знамени, его слова зовут полки в бой: «Честь и родина» и «За нашу и вашу свободу». В этих словах с предельной глубиной и краткостью определены принципы, во имя которых сражались и сражаются польские воины.

Незримые нити связывают прошлое польской армии с сегодняшним днём. Войны нынешней борьбы являются преемниками вековой борьбы за свободу. Вторая польская дивизия носит имя Домбровского, одного из замечательных борцов против угнетателей. И так же не случайно эта дивизия принимала присягу 11 ноября 1943 года, в исторический день 25-летия возрождения независимости Польши. Третья польская дивизия получила имя героя восстания 1863 года — Ромульда Траугутта. Танковая часть названа в честь героев Вестерплатте, мужественно отбивавших атаки гитлеровских солдат. Имя Варшавы, стойко сопротивлявшейся немецкому нашествию, носит польская авиачасть.

Нет никакого сомнения в том, что польская армия с честью выполнит заветы тех, которые дали имя её частям. Мне вспоминается день, когда один из полков польской дивизии покидал лагерь, уходил на фронт. На холодном, морозном снегу протянулись косые предвечерние тени. На небольшой поляне, среди неподвижных сосен, выстроились колонны солдат с оружием, с вещевыми мешками, в полном походном снаряжении. Прозвучали слова команды. Смолкли голоса. Неслышным движением солдаты и офицеры обнажили головы. И среди заснеженных сосен полплыли величавые слова гимна. На лица людей легла тень глубокой сосредоточенности. Было что-то непередаваемое в этой прощальной сцене. Здесь, в этом лесу, сегодня начинается солдатский путь подвига и жертвы во имя победы и родины.

Труден этот путь, но как лёгок был солдатский шаг, когда замолкли заключительные слова гимна и колонна тронулась в поход! Неизмеримы

Лётчики авиационного полка «Варшава» с полковым знаменем.

Фото М. Калашникова

бедствия, которые пришёл на польскую землю немцев. Нет в мире силы, которая могла бы заставить поляков забыть о чёрных днях их родины.

Великая идея освобождения собрала под знамёна польской армии людей самых различных взглядов и убеждений. Повинуясь своему долгу, сменили кисть на винтовку польские художники Витц и Рафаловский. Поэты Вашек и Пастернак встали в ряды солдат так же, как Эрих, доцент юридического факультета Львовского университета, и Устах — доцент Познанского университета.

Борьба с врагом требует жертв. Солдаты Польши доказали свою готовность отдать всё ради победы. Первая польская дивизия приняла боевое крещение. Кровь её людей, оросившая землю Белоруссии, ещё прочнее скрепила союз польского и советского народов. Солдаты дивизии шли в атаку на немецкие окопы с гордой улыбкой на лице, во весь рост. Немцы бросили против её полков огромные силы авиации, чтобы сломить дух дивизии. Но они добились лишь одного —

укрепили дух бесстрашия, усилилась ненависть к врагу.

Польша навсегда сохранит в своей памяти подвиг капитана Высоцкого, которому присвоено звание Героя Советского Союза. Молодой офицер, он впервые скрестил оружие с немцами в 1939 году. На советско-германском фронте капитан повёл свою роту в самую гущу боя. Он вырвался далеко вперёд и был окружён большой группой немцев. Герой дрался до последнего патрона и, когда немцы уже рассчитывали его схватить, застрелился, перебив перед этим не один десяток врагов.

Ришар Кельбашинский, политический деятель крестьянской партии, пережил не одно разочарование, прежде чем пришёл под знамёна польской армии в СССР. Как и многие поляки, вначале он связывал свои помыслы и надежды с эмигрантским «правительством» в Лондоне. После разгрома Польши в 1939 году Кельбашинский ушёл в подполье, организовал партизанский отряд. Два года он и его товарищи ожидали из Лондона

оружия и сигнала начать борьбу, но так и не дождались. Немцы послали его в лагерь под Ленинград. В одной из деревушек Кельбашинский натолкнулся на нашу партизанскую разведку и быстро нашёл общий язык с ней. Той же ночью Кельбашинский с помощью партизан вывел из лагеря сорок пять своих соотечественников. В лесах ленинградской земли он осуществил свою страстную мечту — мстить ненавистному врагу. Он поджигал немецкие казармы, взрывал дороги, мосты, истреблял немцев. Победное наступление Красной Армии позволило Кельбашинскому стать под знамёна Польской армии.

Капеллан Лапотинский пришёл в польскую армию с глубоким убеждением, что здесь трудятся для дела совести и великой правды, и самоотверженно делит тяготы солдатской жизни. Такова сила великой идеи. Она указала правильную дорогу патриотам Польши. Эта дорога — борьба с немцами, борьба бок-о-бок с Красной Армией против общего врага. Эта дорога приведёт поляков на родину. Близок день, когда белый орёл поднимется над стенами освобождённой Варшавы.

В ТРЕТЬЕЙ ПОЛЬСКОЙ ДИВИЗИИ

Фото М. Каташидзева

В число действующих польских частей вступила 3-я пехотная дивизия, состоящая главным образом из поляков, проживавших в освобождённых недавно Красной Армией западных областях Украины. Дивизия носит имя Ромуальда Траугута — одного из руководителей польского восстания 1863 года.

Перед отправкой на советско-германский фронт офицеры и солдаты 3-й дивизии в торжественной обстановке принимали присягу на верность польской земле и томящемуся под немецким игом польскому народу.

Дивизия обучена и подготовлена в короткий срок. В числе её бойцов немало участников партизанского движения. С оружием в руках они сражались против немецких захватчиков. Теперь они в рядах родной Польской армии борются за свободную, независимую Польшу.

Генерал-лейтенант З. Берлинг читает слова присяги перед личным составом 3-й дивизии.

Офицеры и солдаты, обнажив головы и подняв руки с пальцами, сложенными для крестного знамени, повторяют за генералом Берлингом слова клятвы на верность своей родине и народу.

ПЬЕСА О ДОЛГЕ

Малый театр показал новую пьесу — «Инженер Сергеев» — драматурга В. Рокка.

Крупный советский инженер Сергеев работает в городе, который вот-вот должны захватить немцы. Отсюда

Артист П. И. Леонтьев в роли Талькина.

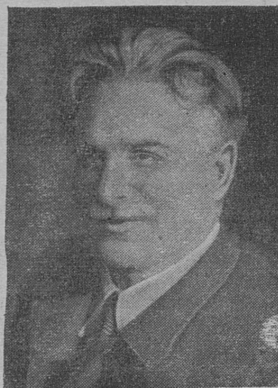
уже вывезено всё оборудование военных заводов. Ушли эшелоны с машинами и различными запасами. Но что делать с новой гидроэлектростанцией — прекрасным детищем сталинской пятилетки? Если не вывести её из строя, немцы быстро смогут пустить в действие важные военные заводы и изготовлять на них оружие.

Тяжко думать старому специалисту инженеру Сергееву о необходимости взрыва станции. Ведь он отдал столько бессонных ночей, труда, любви сооружению этой, оборудованной по последнему слову техники электростанции!

Немцы перебрасывают сюда своего агента, который должен помочь им заполучить станцию находу, непогрешимой. Этот агент — инженер Талькин — умный и коварный враг. Он пытается играть на чувствах инженера Сергеева, убеждая его не взрывать станцию. Но Сергеев не колеблется: спокойно и последовательно он подготавливает взрыв своего любимого детища. В последний момент гитлеровскому агенту удаётся предотвратить взрыв. Инженер Сергеев, попавший в руки врага, выдаёт себя за агента Талькина (убитого им) и получает от немцев назначение в качестве директора станции. Но и в этой сложной обстановке русский инженер Сергеев остаётся верным своему долгу. Демонстрируя станцию представителям германского генералитета, Сергеев взрывает её. Геройски погибает он сам, но вместе с электростанцией взлетает на воздух и гитлеровский генерал с офицерами. Русский патриот наносит врагу двойной удар.

Пьеса очень тонко передаёт ощущение грозовой

атмосферы первых месяцев войны, приближения фронта к городу. Автору хорошо удался образ Сергеева — непреклонного и честного человека, патриота, семьянина.

Заслуженный артист РСФСР С. М. Межинский в роли инженера Сергеева.

Попутно показана картина жизни его семьи, близких ему друзей и сотрудников. Всем им дорога судьба электростанции, но ещё дороже судьба родины. Очень умело введены в действие отрицательные персонажи — агенты гитлеровцев.

Действие пьесы развивается с большим драматургическим напряжением. Успех пьесы кроется в её жизненности, в тех горячих и благородных патриотических чувствах, которые она пробуждает у зрителя.

Спектакль в Малом театре поставлен с большой вдумчивостью и глубиной, он хорошо раскрывает основную идею пьесы — патриотизм, ненависть к врагу. Успех с автором делит молодой постановщик В. Цыганков, исполнитель роли Сергеева заслуженный артист РСФСР С. Межинский, молодые артисты П. Богатыренко, Л. Назарова, А. Смирнов и Д. Павлов. Они дают правдивые образы героев нашей эпохи. Трогательно, порой немного смешон влюблённый монтер Павлик, которого очень тепло играет А. Смирнов, Обаятелен Д. Павлов в роли танкиста; пронзительного и дальновидного Суворовцева хорошо играет Н. Шагин. Чертами большой привлекательности наделяет артист И. Скуратов образ старого мастера, погибающего вместе с инженером Сергеевым при взрыве станции.

Трудная задача — играть роли гитлеровского агента Талькина и лейтенанта Кригера — талантливо разрешена артистами П. Леонтьевым и А. Коротковым. Созданные ими типы фашистов лишены трафаретности. Талькин и Кригер — сильные и коварные враги, борьба с ними требует особой бдительности и решительности советских патриотов.

Всячески похвал заслуживает работа художника М. Бобышева. На сцене Ма-

НА СЛАВНОМ ПОСТУ

Его слышали все. Он передаёт нам самые важные вести, читает приказы Верховного Главнокомандующего, тексты исторических деклараций, гневные акты Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев и т. п.

Юрий Левитан — лучший диктор Всесоюзного радиокomiteта. Ему поручаются все наиболее ответственные радиопередачи. В совершенстве владеет техникой радиоречи, обладая голосом отличного тембра, Левитан заслуженно пользуется большой популярностью среди радиослушателей.

Он всегда стремится отойти от штампа, найти максимально убедительную интонацию, соответствующую сущности передаваемого по радио материала. Суровой, торжественной простотой звучат в его чтении приказы Верховного Главнокомандующего, сообщая о всех очередных победах Красной Армии; строго и проникновенно передаёт Левитан тексты исторических докладов товарища Сталина.

Юрий Борисович Левитан

Гневом и неумолимой решимостью наполняется голос диктора, когда он передаёт статьи, материалы, акты, говорящие о преступлениях фашистов.

За многолетнюю успешную работу в Центральном радиовещании советское правительство наградило Юрия Левитана орденом Трудового красного знамени.

В. Л.

Артисты МХАТ в гостях у РАНЕНЫХ БОЙЦОВ

Большой зал госпиталя полон доотказа. Все, кто в состоянии передаваться, собрались сюда, чтобы послушать выступления артистов. В госпиталь приехали артисты МХАТ. Они показали раненым бойцам и командирам водевилей Чехова «Медведь». На снимке: артистка Базарова и заслуженный артист РСФСР А. Жильцов исполняют сцену из водевиля.

Фото Е. Амчиславской

Артисты П. З. Богатыренко и Д. С. Павлов — Нина и Борис. Фото Б. Фабисовича

лого театра он создал прекрасную панораму плотной гидроэлектростанции с уходящей в даль перспективой, показал сложное оборудование предприятия, передал

всю грандиозность этого замечательного сооружения. Спектакль «Инженер Сергеев» — несомненный успех Малого театра.

Мих. Долгополов

«ЗНАМЯ БРИГАДЫ» — ПОЭМА О РОДИНЕ

В Гослитиздате вышел сборник стихов белорусского поэта Аркадия Кулешова — «Знамя бригады».

«Знамя бригады» — так называется основная поэма сборника. Герой поэмы — сам автор. Упорство и мужество советского человека, его вера в победу — основное идейное содержание поэмы. Духом боевой романтики пронизана эта вещь, написанная в форме своеобразного дневника.

Поэма начинается с картины горящего, разгромленного Минска. Отдельные строки стихов, выделенные крупным шрифтом, выглядят, как названия глав, органически влитых в ткань произведения.

«Что сказали мне вещи, Когда я задумал уйти», — гласит первая из них. Поэт прощается с домом, с игрушками своих детей, уехавших накануне; он прощается с улицами родного города и кланётся:

«С дороги нигде не собьюсь, Я вернусь, я вернусь».

Шаг за шагом описывает он свой путь во время войны: вступление в армию, фронт, бои, фашистское ок-

ружение, тыл врага, откуда, подвергаясь смертельной опасности, он пробирается к своим.

В поэме дан ряд острых драматических эпизодов. Из бригады остались в живых только три человека. Они спасли боевое знамя, которое с честью должны пронести неприкосновенным. Один из трёх не выдержал бесконечных трудностей и лишений, пал духом и, проходя недалеко от своего села, тайком ушёл домой, унеся с собой знамя.

«Он забыл — понимаем без слов —

Всё на свете: Кровь товарищей, славу бойцов,

Что клялись перед знаменем этим...»

Найденный товарищами, он был приговорён ими к расстрелу как дезертир. Полны глубины и «грозной решимости» строки, в которых поэт рассказывает об этом. И ему бы хотелось домой, но...

«Лёгко путь до родного села,

Только тяжело сидеть у стола...»

Тяжко быть в неволе, безоружным, под игм нена-

вистного врага. Поэт твёрдо знает:

«Нет, не этак приду я в свой дом, — В новой каске приду, со штыком, Не скитальцем и не бедняком, А войду я хозяином в дом».

Так оно и свершилось. Всё логическое развитие поэмы приводит к победному финалу: поэт рассказывает о том, как входила бригада советских бойцов в отвоёванное белорусское село. Это одно из десятков тысяч советских сёл, возвращённых родине, и знамя бригады вырастает в символ чести и славы всей Красной Армии.

«Вот они, словно белая туча, Грозно движутся через снега.

Скоро, скоро ударом могучим Разнесут они в клочья врага!»

Другие стихи сборника: «Баллада о четырёх заложниках», «Над братской могилкой» и «Письмо из полоня» — могли бы служить фрагментами к поэме, настолько тема их органически слита с её темой.

Л. Бать

Литература и искусство

ОКОНЧАНИЕ «ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА»

назад, близится к концу и будет завершён в середине этого года. Работу над «Емельяном Пугачёвым» писатель не прерывал даже в труднейшую пору блокады Ленинграда, выехав из осаждённого города лишь весной 1942 года.

— Одновременно, — говорит Вячеслав Яковлевич, — я пишу серию рассказов, посвящённых Великой Отечественной войне. По завершении «Емельяна Пугачёва» я начну работать над повестью о страшных, но в то же время героических днях ленинградской блокады.

На снимке: Вячеслав Шишков за работой в своём кабинете.

Писатель Вячеслав Шишков в настоящее время работает над вторым томом исторического повествования «Емельян Пугачёв». Этот труд, начатый десять лет

Фото и текст Ал. Лесс

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ!

Художник Б. И. Лебедев закончил работу над серией рисунков «Смерть немецким захватчикам». Содержание серии можно выразить одним словом: ненависть. Жгучая, испепеляющая ненависть к врагу.

Ярко и выразительно показывает художник звериный облик врага. Сцены массовых расстрелов советских людей, поджоги домов мирных жителей, разрушение памятников культуры, грабежи и убийства, угон населения в немецкий плен... О тупым равнодушием захлопывают немецкие солдаты двери «душегубки» перед отправлением её в очередной рейс смерти. В стороне спокойно закурирует немецкий офицер. Он кончил «работать» и может на досуге затянуться сигаретой («Душегубка»).

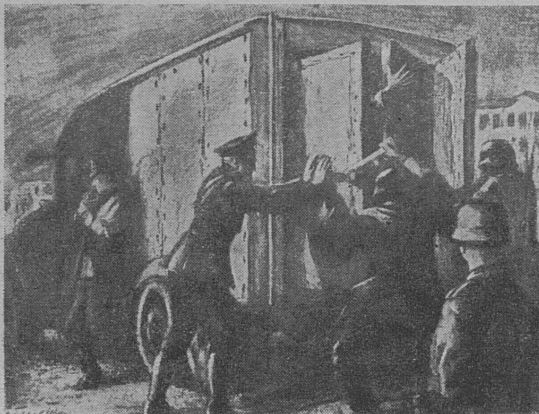
Весна в небольшом городке. Труп мальчика у ручья. Испуганное лицо его товарища. Бумажные кораблики на воде. А на втором плане фигура шеголеватого немецкого офицера, на ходу застегивающего кобур («В оккупированном городе»).

Русская женщина-партизанка с автоматом в руке сопровождает пленного немца («Фрица ведут»). Большое впечатление оставляют рисунки, показывающие наступление победоносной Красной Армии, освобождение советских городов и сёл от немецкого ига («По следу врага» и др.).

Шаг за шагом художник вскрывает звериную сущность фашизма и вместе с тем показывает, что гитлеровских злодеев ждёт неминуемое и беспощадное возмездие.

Серия «Смерть немецким захватчикам» — большая творческая победа талантливого художника.

Н. Страхов

«Душегубка».

«Фрица ведут».

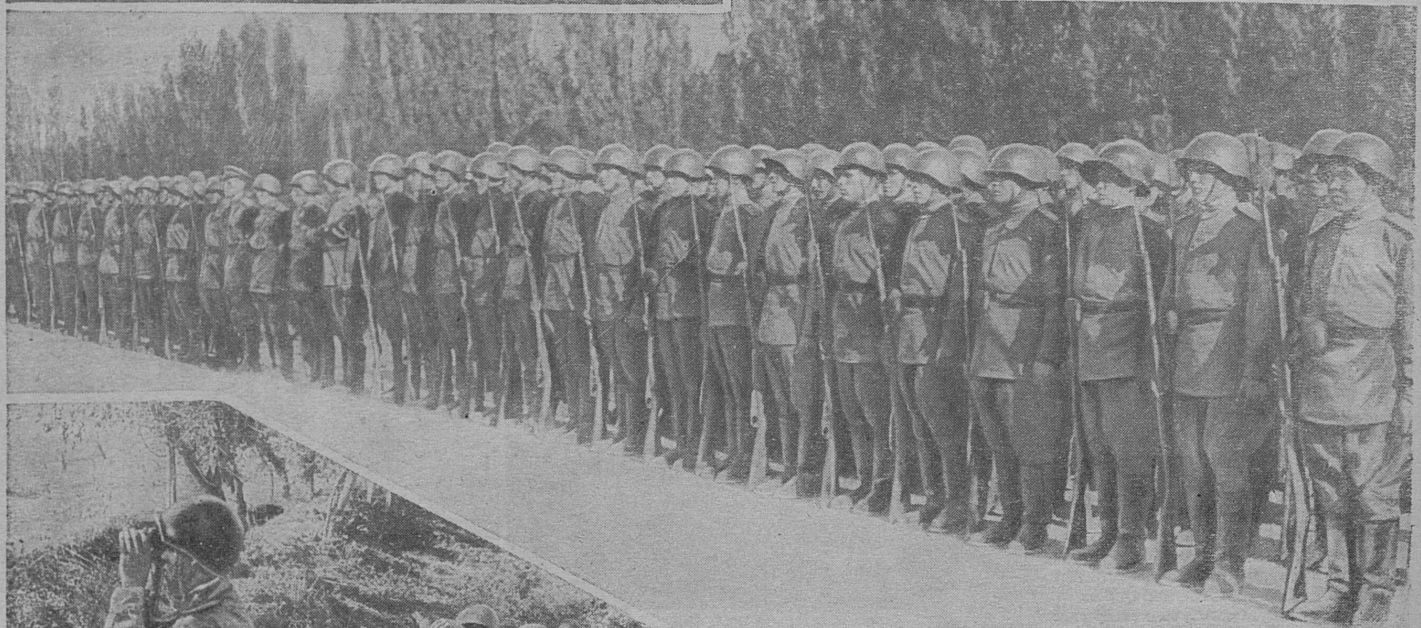
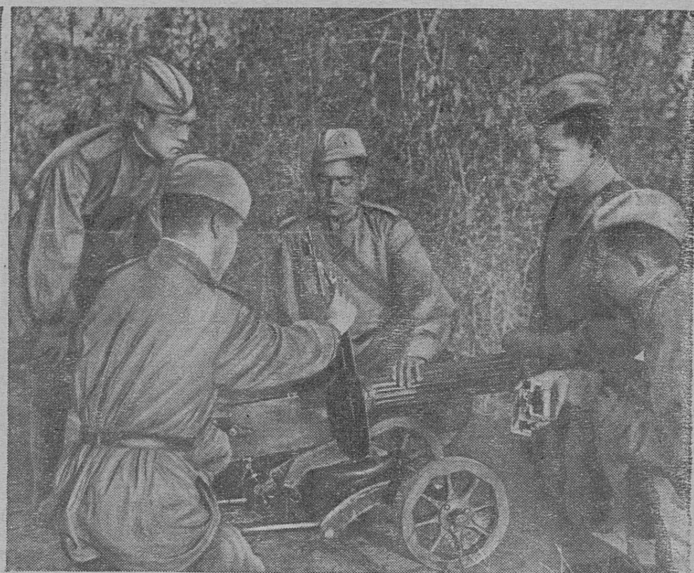
«По следу врага».

«В оккупированном городе».

БОЕВЫЕ РЕЗЕРВЫ КРАСНОЙ АРМИИ

«Фашистская Германия всё более и более истощается и становится слабее, а Советский Союз всё более и более развёртывает свои резервы и становится сильнее» (С т а л и н). В упорной боевой и политической учёбе проходят дни будущих бойцов. В совершенстве знают устав, материальную часть, уметь ориентироваться в сложной боевой обстановке — этого требует нынешняя война. В подразделении капитана Сердюка бойцы знакомятся с различными конструкциями мостов (снимок сверху, слева). Командир пулемётного отделения сержант Машенко ведёт занятия по изучению станкового пулемёта (снимок сверху, справа). На снимке в центре: курсанты на строевых занятиях. Внизу, слева: миномётный расчёт на огневой позиции. Справа: расчёт противотанковой пушки ведёт огонь по «противнику».

Фото Я. Босина

ВОЙНА НЕВИДИМОК

Ник. Шпанов

ЧАСТЬ 2. СИГНАЛЫ БЕДСТВИЯ

(Продолжение)

Иллюстрации Л. Бродаты

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Советские люди — капитан 3-го ранга Житков и его друг Найдёнов — работают над ланком, сообщающим невидимость перископу подводных лодок. Немецкие шпионы — Витема и его сообщник Мейнел — пытаются добыть репент этого лака. Кроме этого задания Витема, сданный в СССР под видом англичанина Бера, должен выполнить диверсионные акты — подорвать транспорты, возащие военный груз в СССР. Витема в пути вербует Майлса — лутурмана судна «Мария Глория» — и, шантажируя его, заставляет подложить в трюм зажигательные снаряды, заключённые в консервные банки.

Житкову и Найдёнову поручено преследовать Витему. С риском для жизни оба друга забираются на неприступный мыс. Они подозревают, что отсюда подаются сигналы немецкой подводной лодке. Неожиданно к этому мысу подходит катер. На нём два незнакомца. Завязывается перестрелка. При перестрелке один из незнакомцев ранен. Это Майлс; его помещают в портовый госпиталь.

Обоих друзей спасает пришедший на помощь катер и отводит в порт, где грузится в обратный рейс «Мария Глория», в трюм которой Майлсу удалось подложить зажигательные снаряды. На судне в качестве советского представителя поселится Житков, полагающий, что «Мария Глория» — объект преступных действий Витемы-Бера.

Витема фальшивым письмом, будто бы подписанным Житковым, заманивает Найдёнова, имея намерение покончить с ним. Найдёнов внезапно заболевает и попадает в госпиталь. Витема же убивает случайного человека.

Шкипер разделил людей. Одни вместе с ним с удвоенной энергией откапывали Житкова, другие готовили к спуску спасательные суда. Уведомили флагмана каравана о пожаре на «Марии». Ответ последовал через несколько минут: «Если пожар не может быть ликвидирован собственными средствами, то, не задерживая конвой, затопить судно Команда будет принята эсминцем эскорта».

Шкипер понял, что судьба «Марии Глории» решается минутами. Если не удастся вытащить Житкова, шкипер не решится затопить трюм, хотя он почти уверен в том, что дым всё равно задует русского.

Огонь станет хозяином на судне...

Руки старика были в крови. Его лицо побархотало. Старик работал за десятых. Он сам не знал, что даёт ему такие силы. Все мысли его были сосредоточены на том, чтобы спасти русского. Да, выбор был сделан: он рисковал своей старой «Марией» во имя спасения русского моряка.

Работать без респираторов стало невозможно. Около шкипера осталось не больше пяти — шести человек.

— Если мы через пять минут не пустим в ход помпы, — сказал старший механик, — будет поздно.

— Что вы хотите сказать? — спросил шкипер.

— В этом случае вы уже сейчас можете приказывать людям покинуть судно.

— Пять минут.

Шкипер снова исчез в дыму.

Вскоре до него глухо донёсся голос механика:

— Пять минут прошли, сэр. Прикажете спускать шлюпки?

— Ещё две минуты!

— Слушаю, сэр. Часы у меня в руках.

И когда механик, не отрывавший взгляда от часовой стрелки, уже нагнулся было над трюмом, чтобы кликнуть шкипера, снизу донёсся торжествующий крик нескольких голосов. Из трюма с рук на руки передавали полузаложенного Житкова.

Пока его приводили в себя, меха-

ник распорядился задранть трюм, где горел хлопок, и подать туда воду по пожарным шлангам. По его расчётам, пламя должно было затухнуть само себя, если и не удастся погасить его водой. Но скоро стало ясно, что его расчёты не оправдываются. Мощности стареньких помп «Марии Глория» была недостаточна для борьбы с разгулявшимся огнём. Из-за необходимости пропустить в трюм шланги не удавалось достичь такой герметичности, когда кислород не поступал бы к хлопку. Груз продолжал гореть. Горение его делалось интенсивней. Доски трюмного лака трещали от опалившего их изнутри жара.

По мере поступления воды в трюм «Марии» осадка её увеличивалась, ход падал. Работавшие на максимальных оборотах машины не могли удержать скорость. «Мария Глория» потеряла своё место в караване и всё больше сближалась с замыкающими кораблями эскорта. Флагман конвой уже дважды запрашивал шкипера, надеется ли он удержать ход и не отстать от каравана.

Житков пришёл в себя как раз в тот момент, когда около него происходило совещание шкипера с механиком. Мнение механиков было ясным: прекратить подачу воды в трюм — значит предоставить «Марии» во власть огня. А продолжать подавать её — значит всё больше сбавлять ей ход. Удержаться в строю «Мария Глория» не может.

— Я не имею права подвергать людей дальнейшему риску, — сказал шкипер и позвал второго офицера. — Прикажете спускать спасательные шлюпки? Экипаж переходит на суда эскорта.

— А наше судно, сэр? — спросил офицер.

— На судне остаюсь я, — сказал шкипер.

— Приказ флагмана: затопить судно, сэр, — сказал офицер.

— Я остаюсь на судне и сделаю всё, что нужно, — твёрдо повторил шкипер.

— Мы не можем бросить вас одного, сэр!

— Капитан будет не один, — послышался тут голос Житкова. — С ним остаюсь я.

С этими словами Житков встал на ноги, и все поняли, что его решение бесповоротно и угрозы ничего не изменят.

Поддержанный Житковым, шкипер приказал радировать флагману, что «Мария Глория» просит по принятии её экипажа не заботиться об её судьбе. Остающиеся на ней люди отдадут себе полный отчёт в опасности, угрожающей им как со стороны подвод-

ных лодок противника, так и от его самолётов. Но они гарантируют своим словом, что судно не останется противнику и в случае угрозы будет уничтожено. По настоянию Житкова к радиogramме было добавлено, что шкипер не теряет надежды на спасение судна.

Как только передатчик освободился от этой депеши, на него поступила следующая, адресованная на советский берег, командир спасательного буксира «Шторм».

— Неужели вы думаете, что какой бы то ни было спасатель выйдет в море в нынешних обстоятельствах? — спросили Житкова.

— Я потому и не совсем точно характеризовал степень угрожающей нам опасности. Стоило бы мне описать истинное положение вещей — они вышли бы в море через десять минут по получении радио.

— Вы так уверены в своих морях?

Житков ничего не отвечал. Между тем спасательные суда были спущены. Команда заняла в них места. Офицер попробовал последний раз уговорить шкипера:

— Простите, сэр, но это... неразумно. Флагман разрешил вам покинуть судно. Хозяева ни в чём не смогут вас упрекнуть.

Старик поглядел куда-то поверх головы офицера:

— Дело не только в хозяевах, Эванс... Я плаваю сорок лет. Когда

Он сидел, откинувшись в кресле; лицо его, как и прежде, было укутано тёплым шарфом.

вы пробудете в море столько же, то поймёте, что легче умереть, чем покинуть своё судно.

— Но мы не собираемся и умирать, — бодро сказал Житков.

Шкипер натянуто улыбнулся и пожал руку офицеру:

— Отправляйтесь, Эванс.

Последняя шлюпка отвалила от борта «Мария».

Два человека поднялись на мостик и отпуща глядели на удаляющиеся шлюпки. С палубы «Марии» в лицо им тянуло сыростью горящего хлоска и жаром накалившегося железа. Деревя палубного настила начинало темнеть и корчиться. Внутри «Марии» бушевал огонь.

Шкипер молча глядел, как эсминцы принимают его людей. Когда последний человек был поднят на борт, эсминцы развернулись и стремительно пошёл следом за удаляющимися караваном.

Целый час можно было видеть, как один за другим исчезают на горизонте дымки конвоя.

Потом горизонт стал чист.

«Мария Глория» осталась одна, совсем одна в неоглядном океане.

Старый шкипер медленно обошёл судно. Он остановился над капом машины и посмотрел в её освещённую пропашь. Главная машина вращалась медленно, словно через силу. Она расходовала последний запас пара, подаваемого котлами. Топки угасали. Машина была обречена на неподвижность. Повидимому, эта мысль со всей реальностью впервые дошла до сознания шкипера. Он, как зачарованный, широко раскрытыми глазами глядел на цепенеющее сердце своего корабля...

Шкипер оторвался от капа и пошёл дальше. Машинально взорвался к себе в коловую рубку и с удивлением увидел чью-то спину у штурвала. Это был русский.

Житков целый час стоял за рулём, ничем не напоминая о себе шкиперу. Он дал ему время освеститься с положением, так как хорошо понимал состояние старика. Лишь теперь Житков сказал:

— Нам нужно будет держать вахту, сэр. Руль нельзя оставлять без надзора.

Шкипер молча кивнул и стал набивать трубку.

— Придётся перекрыть пар в машине, — продолжал Житков.

— Пар сядет сам. Топки почти загасли.

— Хотя бы в одном котле нужно держать давление. Нам нужен пар для динамо и для рулевой машины.

— Я об этом не подумал...

Житков видел, что шкипер хочет ещё что-то сказать и как бы не решается. После некоторого колебания шкипер проговорил:

— А нужно ли всё это, а? Откровенно: я остался тут только для того, чтобы не расставаться с моей «Марией». У меня нет никакой надежды на её спасение.

— Если бы у меня не было этой надежды, я ни за что не остался бы тут, — возразил Житков.

— Я рассчитывал: если и придётся что приводить в действие, так только подрывные патроны.

— Если мы с вами окажемся достойны звания моряков, вы снова будете командовать своей «Марией».

— После того что вы мне сказали про Майлса, пропадает желание жить.

— А у меня оно удвоилось.

— Вы чертовски молоды. Я завидую вам... Погодите-ка минутку, —

шкипер прошёл к себе в каюту и через минуту вернулся, утирая губы тыльной стороной ладони, другой рукой он протянул Житкову стакан джина. — Это поможет нам держаться.

Житков отстранил его руку:

— Я выдержу и так.

Тогда шкипер взял и этот стакан. — Да, я в первый раз завидую молодости... Так с чего же мне начинать, а? Идти в коцегарку?

— Если позволите, я попросил бы вас постоять на руле, — сказал Житков. — Я забегу в коцегарку и поднимусь на радиорубку. Нужно установить связь со «Штормом».

— Вы так уверены в том, что он выйдет из порта?

— Это мы сейчас узнаем, — сказал Житков, передавая шкиперу штурвал.

— Удивительные вы люди — русские, — проговорил старик. — Кажется, я начинаю понимать, почему немцы поперхнулись Россией.

Но Житков уже не слушал шкипера. Его каблучки звонко отсчитывали ступеньки трапа в коцегарку.

7. УБИЙСТВО В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ

Часом позже командира «Шторма» о пожаре на «Марии Глория» узнал и Найдёнов. Его первым порывом было связаться с Иваном Никитичем и вместе с ним выйти в море на выручку Житкова. Но приходилось выбирать между зовом сердца и служебным долгом. А долг повелевал оставаться на берегу. Лежавшая в кармане Найдёнова трубка ясно говорила, что попытка ограбить его на пристани и убийство Майлса — дело одних и тех же рук. А так как у него не было ни малейших сомнений в том, что «земляки», навещавшие штурмана в госпитале, были Витема и Мейнш, то вывод был ясен: и сам он едва не сделался их же жертвой.

Следы привели Найдёнова к лагуне на выселках, но она была уже пуста. Дальше следы раздваивались: одни исчезали в направлении порта, по другим он пришёл... собственноручно в гостиницу.

Это открытие ошеломило Найдёнова.

Внимательнейшим образом просмотрев всех жильцов гостиницы, Найдёнов не обнаружил в них ничего, что остановило бы на себе его внимание, если не считать лёгкой хромоты одного из жильцов — ответственного работника Наркомата речного флота, приехавшего в командировку из центра. Хромота была лёгкой, едва заметной. Собственно говоря, речник даже не хромотал, а как выразился номерной, «припадал» на правую ногу.

В тот же вечер Найдёнов увидел, что этот речник — человек среднего роста, сухой, крепкого сложения, с бледным лицом, нижняя часть которого закрыта большими усами и окладистой чёрной бородой. Нос с горбинкой выдавал типичного шенкурца. И фамилия у него была северная — Печерских.

Когда Печерских вышел в коридор, провожая кого-то из посетителей, шея его была обмотана тёплым шарфом, конец которого прикрывал и рот. Печерских объяснял жестами. Найдёнов узнал от номерного, что постоялец жестоко простужен и почти совершенно лишился голоса. Было даже известно, что врач советовал воздержаться от предстоявшего ему путешествия в центр. Особенно опасался врач за те десять километров, которые больному предстояло проехать в санях до вокзала.

Шенкурец жил в номере не один: уже два дня, как к нему приехала на побывку из деревни мать.

С этой крепкой старухой Найдёнову удалось перемолвиться несколькими словами. Он убедился в том, что его первоначальное предположение, будто под личиной Печерских скрывается загромированный Витема, совершенно смехотворно. Да и сам Найдёнов распознал бы Витему под любым гримом. Печерских был Печерских.

В девять часов вечера несколько сотрудников местного речного пароходства пришли проститься с товарищем из центра. Найдёнов снова увидел, как Печерских, провожая гостей в коридор, прикрывал шарфом рот и жестами прощался с товарищами.

К десяти часам была подана лошадь, и номерной вынес чемодан Печерских. Сам шенкурец вышел, одетый в добротный романовский тулуп, в пушистой пыжиковой шапке и с лицом, замотанным шерстяным платком. Мать заботливо перекрестила его на пороге, и Печерских уехал на вокзал.

Через десять минут отправился и Найдёнов. Он и сам ещё твёрдо не знал, поедет ли с тем же поездом, в котором отбывает Печерских, или вернётся обратно в гостиницу. Понимал одно: необходимо достать сани и поспать на вокзал.

Ему посчастливилось получить лошадь. Он подбежал к бревенчатому зданию станции, когда носильщик вытаскивал чемодан из саней речника.

Печерских сидел, ссутулившись; уши его пыжикового малаха были опущены, голова ушла в поднятый воротник тулупа. Всё говорило о том, что ему нездоровится. Опираясь на плечо возчика, он с трудом вылез из саней и следом за носильщиком прошёл прямо к спальному вагону. Найдёнов увидел его спину, исчезающей в клубе пара, вырвавшегося из тамбура нагретого вагона.

Найдёнов стоял как зачарованный и, не отрываясь, глядел на дверь, за которой исчез Печерских. В следующее мгновение он опрометью бросился через стационный зал к подъезду и стал искать возчика, доставившего Печерских. Но того уже не было. Вдали слышались только скрип его саней и ёканье селезёнки пристяжной.

Не теряя времени, Найдёнов бежал доставать себе билет. Нужно было получить место в том же вагоне, где ехал Печерских. Одно наблюдение заставило Найдёнова ехать следом за речником: когда тот уезжал из гостиницы, на ногах у него были расписанные красным узором грубые валенки, а на вокзал он приехал в шерстяных фетровых сапогах.

На одно мгновение Найдёнова взяло сомнение: не ошибся ли он? Но времена для размышлений не оставалось. Нужно было решать. Через несколько минут Найдёнов вошёл в спальный вагон. Одновременно с Найдёновым в вагоне появились и два милиционера, проверявшие документы и пропуска пассажиров. Найдёнов напряжённо прислушивался к происходящему в купе Печерских. Судя по репликам, там всё обстояло благополучно: документы возвращающегося в центр ответственного работника Наркомата были найдены в полном порядке. Милиционеры покинули его купе. Щёлкнул замок.

Поезд тронулся. Найдёнов остался наедине со своими сомнениями. Нет, нет, да и появилась мысль: не совершил ли он ошибку, уехав из города? Верно ли его наблюдение насчёт валенок? Чем больше он об этом думал, тем настойчивее казалась необходимость проверить свои

сомнения. То, что показалось в гостинице неосновательной фантазией, снова представилось вполне вероятным: рядом с ним ехал загримированный Витема.

Найдёнов с досадой думал о том, что смежное с Печерских купе, сообщавшееся с ним через общий умывальник, досталось не ему, а какой-то женщине, которой, вероятно, нет никакого дела ни до Витемы, ни до возможности проникнуть в соседнее купе при первой отлучке соседа.

Найдёнов вышел в коридор и занял наблюдательный пост на откидной скамеечке. Он сидел спиной к двери Печерских, но так, что отражение её было хорошо видно в тёмном стекле окна.

Вскоре дверь соседнего с Печерских купе отворилась. Показалась статная дама в наброшенной на плечи оленьей дохе. Пассажира оглядела коридор. Взгляд её остановился на Найдёнове. В руке она держала мундштук с незажжённой папирсой-самокруткой. Найдёнов понял, что сейчас она попросит у него огня. Так оно и случилось. Сошлись на то, что не хочет дымить в купе перед сном, она заняла скамеечку напротив Найдёнова и, весело болтая, принялась курить. У неё были приятный грубый голос и свободная, уверенная манера держаться. Через несколько минут Найдёнов знал, казалось, всю её подноготную. Поболтав с полчаса, она простилась с Найдёновым как со старым знакомым и отправилась в купе.

Печерских всё не показывался. Набравшись терпения, Найдёнов сидел в коридоре. На одной из остановок он вышел на перрон и прошёл мимо вагона. В числе немногих ещё освещённых окон были окна Печерских и его соседки. У неё штора была опущена, а у Печерских поднята до половины. С тёмной платформы было ясно видно тускло освещённую настольной лампой внутренность купе речника. Печерских сидел, закинувшись в угловое кресло. Он был в тулупе, в шапке-ушанке, с шарфом на лице. Голова его была откинута на спинку кресла, и из-под шарфа выбились чёрные космы густой бороды.

Найдёнов пытался рассмотреть черты его лица, но оно было в тени, отбрасываемой абажуром.

Раздался звонок, и Найдёнов вернулся на свой пост в коридоре. Часа через полтора должна была быть следующая остановка, и он решил там снова выйти, чтобы ещё раз проверить, что делает странный пассажир.

В вагоне царила тишина. Найдёнову пришлось прибегнуть к драже «Колас», чтобы отогнать одолевавший сон.

Незаметно до следующей остановки соседка Печерских снова оказалась в коридоре. Она, как и в прошлый раз, набросила на плечи доху, но голова её была теперь укутана шалью, из-под которой виднелось несколько папильоток. Она кокетливо отвернулась от Найдёнова и закрылась высоким воротником дохи. Из скромности Найдёнов отвернулся. Дама прошла в уборную в конце коридора. Найдёнов уже не видел, как она вернулась, так как поезд подошёл к станции и он поспешил на перрон. Окно Печерских было попрежнему освещено. Шенкурец сидел, откинувшись в кресле, лицо его, как и прежде, было укутано тёплым шарфом. Всё говорило, что он спит.

Было удивительно, что больной человек предпочёл это неудобное место мягкой и тёплой постели. Однако Найдёнову ничего не оставалось, как вернуться на своё место.

ЗА РУБЕЖОМ

ВЫСТАВКА О СССР В СИРИИ

В Дамаске (Сирия) большим успехом пользуется выставка «СССР в войне». Открытие выставки превратилось, по словам местной газеты «Эко де Сири», в бурную демонстрацию в честь Советского Союза.

В своём отчёте об открытии выставки газета «Ак-Наср» пишет о советских фильмах:

«Эти фильмы показали нам различные стороны жизни в СССР в условиях мира и войны, замечательные герои и организацию, которыми должна вдохновиться всякая нация, стремящаяся к свободной и счастливой жизни».

Описывая советский документальный фильм, газета «Матэн» заявляет:

«Это было шестие представителей 16 советских республик с песнями на родных языках и танцами, в национальных костюмах. Появление на экране Сталина, улыбающегося спортсменам, было встречено громом аплодисментов. СССР в войне — это замечательная Красная Армия и её великий вождь Сталин, это партизанская борьба, это промышленность и данные о производстве; это чудодейственная хирургия и медицина, это сельское хозяйство, искусство, в том числе и кино, а также спорт».

Тысячи посетителей, принадлежащих к самым различным слоям населения, перебивали на выставке в Дамаске.

ЛЕС СМЕРТИ

Французская подпольная печать называет Компьенский лес, где в июне 1940 года было подписано позорное соглашение о капитуляции, лесом смерти, французской Катынью.

«Там, — пишет газета партизан «Фран-тирер», — ежедневно гибнут французы. Осуждённых немцами на смерть сначала отправляют в лагерь Ройаль-де-Вье, а затем группами их доставляют в Сен-Жан-ан-Буа на грузовиках. Расстреливают у подножия большого дуба, и тех, кто ждёт своей очереди, заставляют зарывать тела расстрелянных...»

Компьер давно уже приобрёл зловещую славу. Оккупантами созданы здесь крупнейшие в стране концентрационные лагеря, являющиеся одновременно этапными пунктами, откуда жертвы гитлеровского бандитиз-

ПЕЧАТЬ ФРАНЦУЗСКОГО ПОДПОЛья. Семьдесят газет выходят теперь во Франции, мобилизуя народ на борьбу с немецкими оккупантами и предателями. Общий тираж патристической печати (не считая брошюр, листовок, воззваний) превышает 800 тысяч экземпляров в месяц. Число читателей измеряется миллионами.

ма отправляются в ссылку в Германию и Польшу.

После назначения Марселя Деа вишнским «министром труда и национальной солидарности» Гитлер предъявил «правительству» Лавала требование о поставке нескольких сот тысяч белых рабов, в связи с чем во Франции усилилась охота на людей. Национальный комитет сопротивле-

обойдя пассажиров вагона и приняв от них заказы на обед, настойчиво поступался к соседке Печерских. Она не отворила. Официант поступался к Печерских — тоже никакого ответа. Это было удивительно: официант стучал громко и настойчиво. Привлечённый его стуком, пришёл проводник. Повидному, и ему показался подозрительным такой необыкновенно крепкий сон пассажиров. Он вложил в скважину свой служебный ключ и отомкнул купе. Но и на его зов никто не отозвался. Обеспокоенный проводник заглянул в купе. Мгновение он стоял в нерешительности, потом широко распахнул дверь, вошёл и поднял занавеску.

Заглянув через плечо проводника, Найдёнов увидел, что купе пусто. Он вошёл и огляделся. Умывальный отделен был заперто со стороны пассажирки. Следовательно, она не могла быть в соседнем купе. После

некоторого колебания Найдёнов повернул замок умывальной и, пройдя через неё, заглянул в купе Печерских. В стенном зеркале он сразу увидел отражение речника, сидящего в уголке на кресле. Его положение было тем же, каким Найдёнов видел его в окно ещё ночью; из-за шарфа, закрывающего лицо, торчал только нос. Но на этот раз Найдёнова поразила мертвенная бледность этого носа и особенная заострённость его, свойственная покойникам.

Печерских не пошевелился даже при входе людей. Его окликнули, он не ответил. Найдёнов осторожно отодвинул с лица толстое шерстяное кашне. На него глянула прозрачная маска мертвеца. Найдёнову бросилась в глаза несхожесть покойника с шенкурцем: черты лица были медве, тоньше, совсем не тот был нос. Присмотревшись, Найдёнов обратил внимание на странную напряжённость всей позы покойника. Словно его насильно впили в закуток между окном и перегородкой,

3) указание польшейским: всеми средствами помогать французским патристам бороться против лавалевской милиции и гестапо».

«ОДИН САМОЛЕТ, ОДИН ГОРОД»

Французская подпольная печать высмеивает лживые сообщения немцев, скрывающих поражение своих войск и их потери.

Газета «Голуз» поместила образец сводки, составленной в духе последних коммюнике германского верховного командования:

«Вчера германская армия одержала блестящий оборонительный успех к западу от Кёльна, где превосходящий её по численности и вооружению противник был вынужден отступить в направлении Польши».

Английские воздушные силы пытались совершить налёт на Гамбург, но в результате мощного заградительного огня наших зенитных батарей противник был вынужден сбросить свои бомбы на Берлин».

Или — экстренное сообщение о налёте союзной авиации:

«Противник потерял 99 самолётов. Наши потери: 1 самолёт, 1 город».

«МОРЕДРОМЫ»

Собственно говоря, эти сооружения, проектируемые американскими инженерами, следовало бы назвать «океанодромами». Речь идёт о постройке пловучих аэропортов, искусственных островов вдоль океанской воздушной трассы между Америкой и Европой.

Проект предполагает создание нескольких таких островов, гигантских стальных конструкций с широкими посадочными площадками, мастерскими, гостиницами, складами. Расположенные друг от друга на расстоянии до 1300 километров водного пространства, они закрепляются на якорях. Однако не исключено и снабжение их собственными силовыми установками, которые позволяли бы «моредромам» передвигаться с места на место в зависимости от условий погоды и других обстоятельств.

Вес искусственного острова исчислен в 64 тысячи тонн, глубина осадки — до 48 метров, высота над поверхностью океана, регулируемая балластом, — 21 метр.

Стоимость каждого сооружения — 10 миллионов долларов.

где стоял стул. Найдёнов потянул кашне, из-под которого как-то странно торчали усы и борода покойного. Кашне упало. Вместе с ним упали усы. Наспех приставленной оказалась и борода. Найдёнов увидел вчерашнюю знакомую.

Никто из присутствующих не заметил, какое впечатление это открытие произвело на Найдёнова, хотя ему стоило огромного напряжения воли остаться спокойным. Для него больше не было сомнений в том, что под личиной Печерских в вагоне ехал Витема. Но самым страшным было не это, а то, что Витема провёл его. Немцу удалось бежать, и произошло это много часов назад, именно тогда, когда «пассажирская», стыдливо прикрывая от него свои папиюльки, прошла в уборную. Это и был Витема. Найдёнов чувствовал себя, как позорно провалившийся на экзамене школьник.

(Продолжение следует.)

СПОРТ

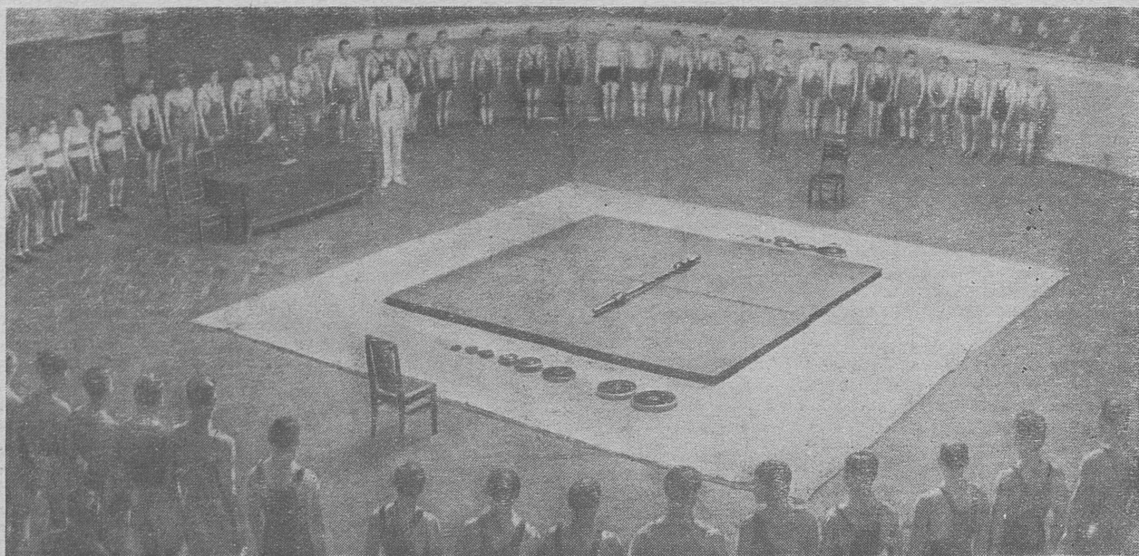
ВАТЕРПОЛЬНЫЙ МАТЧ МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Ленинградские пловцы много раз завоевывали звание чемпиона СССР в водном поло. Первенство СССР 1938 года и кубок СССР 1939 года достались ленинградским «динамовцам». Чемпионами Советского Союза в 1940 году были слушатели ленинградских военно-морских училищ, отнявшие первенство у своих земляков. Участниками ватерпольного матча во Всесоюзных соревнованиях в 1944 году были многие игроки прославленных команд. В команде москвичей играли Казаков, Ушаков, Пустяков. Спортивные цвета Ленинграда защищали заслуженные мастера Мешков, Китаев и Шумин.

Острая игра началась с удара Казакова. Потом по ленинградским воротам метко пробил Ушаков. Москва вела 2:0.

Кокорин один за другим забил два мяча. Счёт увеличился до 4:0.

Московские пловцы играли блестяще. Мяч скользил по рукам кожаной эстафетой, переходя от одного москвича к другому. Ленин-

Первенство ВЦСПС по тяжёлой атлетике. Парад тяжёлоатлетов.

Фото Н. Волкова.

градские игроки нервничали. Этим состоянием противника воспользовался Пустяков, забивший пятый гол.

После перерыва натиск москвичей возобновился с прежней силой. Снова в сетчатые ворота влетел мяч — от удара Ушакова. 6:0.

Казаков на четвёртом эта-

пе передачи мастерски слассировал седьмой гол. Казалось, что ленинградцам не уйти от «сухого» счёта. Но вот игроки в голубых шапочках с буквой «Л», наконец, открыли счёт.

7:1.

За ним последовал второй, такой же меткий «шут» 7:2.

Натиск ленинградцев не

ослабевал. Вскоре счёт был 7:3.

Виртуозный игрок команды Москвы Казаков не пропускал ни одного случая пробить защиту ленинградских ворот. За матч это ему удалось в третий раз — 8:3.

Снова наступил перелом в игре. Пустяков, выскочив по пояс из воды, швырнул ту-

го накаченный шар мимо ленинградского вратаря в ворота — 9:3.

Хотя ленинградцы и ответили 9:4, но всё же они проиграли первую за время войны спортивную встречу с москвичами на воде.

Платон ИППОЛИТОВ,
заслуженный мастер
спорта СССР

НАУКА И ТЕХНИКА

ЛАМПЫ БУДУЩЕГО

Нельзя сказать, что эта лампа занимает немного места: её высота — больше метра, а толщина — сантиметров 5—7. Но для работающего человека её присутствие менее заметно, чем огонёк крошечной «коптилки» или настольной лампы, снабжённой самым усовершенствованным абажуром. Секрет заключается в том, что лампа даёт освещение, очень приближающееся к дневному.

Лампа дневного света — результат большой научно-исследовательской работы Всесоюзного электротехнического института. Создать её удалось, только пользуясь новым способом освещения: подвергая особые порошки действительно невидимых ультрафиолетовых лучей. Порошок наносится на внутреннюю поверхность ртутной лампы — трубки, в которой происходит дуговой электрический разряд в парах ртути и светится, пока на него падают лучи, вызываемые этим разрядом...

Другой лампой, которая уже освоена у нас и, несомненно, войдёт в быт, является бактерицидная. Она представляет собой трубку длиной в 40 сантиметров. Трубка излучает свет, убивающий бактерии, предохраняющий от порчи пищу, обеззараживающий воду. Молоко, об-

лученное бактерицидной лампой, долго не скисает; мясо можно хранить при значительно более высокой температуре. Свет этой лампы первоначально носил громкое название «лучей смерти». Но их скорее следует называть лучами жизни, так как они помогают человеку бороться с невидимыми врагами, угрожающими ему болезнями.

Бактерицидная лампа и лампа дневного света сейчас пока слишком сложны, чтобы сделаться соседками нашей старой знакомой — лампы накаливания. Но в своё время светотехника добьётся того, что в комнате абонента электрической станции появятся не только лампы, необходимые для работы, но и для отдыха и для восстановления сил. Использование всех источников света в соединении с усовершенствованными светофильтрами позволяет получать лампы с самыми разнообразными специальными: одни действуют возбуждающе, другие успокаивают, третьи влияют, как наркотическое средство. Имея последнюю лампу, человек забудет, что такое бессонница: горящая над ним лампа, облучая голову, усыпит, а спустя некоторый промежуток времени автоматически выключится.

Инженер А. Морозов

КРИСТАЛЛИЧЕСКИЙ ЧАЙ

Маленькая чашка полна горячего ароматного чая. Настой похож на старое вино: благороден рубиновый оттенок; терпкий вкус не уступает лучшим сортам чая с едва уловимой примесью лимона.

Снова на дно чашки опускается светлорусоватая таблетка. Из чайника наливается крутой кипяток. Таблетка быстро тает. Тёмная спираль окрашивает воду. Через минуту — две чай готов.

«Кристаллический чай», — такое название дано ему профессором Московского университета Александром Ивановичем Опарным — рождён в дни войны.

***

Много веков существуют чайные плантации. Кусты с бархатной листвой произрастают в предгорьях Памира, на Цейлоне, Яве, в Китае, Индии.

У нас чай — сравнительно молодая культура, она прочно обосновалась во влажных субтропиках Закавказья. «Грузинский» с цветком завоевал все права гражданства, его высоко ценят знатоки-дегустаторы.

Нежные побеги, так называемые «флеши», прежде чем попасть в заварку, завяливаются. Их скручивают на особых машинах — роллерах, — а затем молодые

листочки ферментируются. Как известно, весной чайный куст подвергают обязательной подрезке и формовке. Грубый лист и ветви — это узаконенные отходы производства.

Нельзя ли умножить выход продукции за счёт этих «упорных» отбросов?

Такую задачу поставил перед собой и молодым коллективом студентов Московского университета профессор Опарин.

Вот заведомо неприятное сырьё, — говорит он, выдвигая ящик, в котором доверху насыпаны пахучие сухие листья. — Срезанные весной, они грубы, сопротивляются скручиванию и, самое главное, не поддаются ферментации — действительность окислительного процесса сведена к нулю. В них много клетчатки, древесины, они нерастворимы в воде. Приготовленный из несферментированного листа напиток сильно горчит, настой — желтовато-мутный, невкусный.

Однако было кое-что обнадёживающее. Химический состав экстракта оказался очень близким к обычному, извлекаемому из нежных флешей.

В результате настойчивых опытов экстракт был превращён в кристаллический порошок, обладающий качествами полноценного чая.

Г. Блок

НОВЫЕ МАРКИ

Народный комиссариат связи приступил к выпуску серии марок, посвящённых Героям Советского Союза.

Марка «Зоя Космодемьянская» — тёмнолилового цвета, работы художника Дубосова; марка в честь пётрика Талалихина — серо-зелёная; в честь лётчика Гастелло — светлосиняя. Рисунки последних двух марок сделаны художником Бибиковым.

Отв. редактор — М. ДОБРЫНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДЫ».

АБ167. 2½ печ. л.

Подписано к печати 27/V—44 г. Изд. № 299.

Тираж 100.000.

Заказ № 1099.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Под редакцией мастера СССР
Н. Зубарёва

После окончания Бакинской и Омской групп полуфинальных соревнований XIII Всесоюзного шахматного первенства (см. «Огонёк» №№ 12—13, 14) закончилась игра также в Московскую группу, сильнейшей по своему составу.

Блестящего успеха в этой группе добился гроссмейстер Котов. Не проиграв ни одной партии, с 12½ очками из 15 возможных, он занял первое место, выиграв к тому же партию у своего конкурента гроссмейстера Флора. На втором месте, отстав от первого призёра на полтора очка, оказался гроссмейстер Флор. Третье место занял прекрасно игравший гвардии капитан Вересов, имеющий 10½ очков. Лишь неудачный финиш не позволил ему занять ещё более высокое место. Далее следовали: Алаторцев и Рагозин — по 9 очков, Романовский и Лисицын — по 8½ очков, Равинский — 8 очков. Согласно условиям турнира, все они попадают в финал первенства.

За чертой призёров остались: Авербах, Загорянский и Юдович — по 7½, Дубинин, Модель и Рохлин — по 4½, Гольдберг и Дуз-Хотимирский — по 3½ очка.

На основании результатов полуфиналов состав финала первенства определился следующий: чемпион СССР гроссмейстер Ботвинник и чемпион Москвы гроссмейстер Смыслов (приглашаются

в финал персонально), гроссмейстеры Флор, Лилиенталь и Котов, заслуженные мастера Романовский и Макогнов; мастера Алаторцев, Болеславский, Бронштейн, Микенас, Лисицын, Рагозин, Равинский, Вересов, Соколовский и Хавин.

Финал первенства начнётся в Москве 20 мая 1944 года.

ПАРТИЯ № 10

Играла в Московском полуфинале

Первый гамбит

Вересов (белые)	Равинский (чёрные)
1. d2—d4	Kg8—f6
2. c2—c4	e7—e6
3. Kb1—c3	d7—d5
4. Kgl—f3	Cf8—e7
5. Cc1—g5	0—0
6. Fd1—b3	...

Острое продолжение вместо обычного 6. e2—e3. Белые намерены как можно скорее рокировать в длинную сторону:

6. ...	d5: c4
7. Fb3: c4	b7—b6
8. e2—e4!	Cc3—a5
9. Fc4—b3	Ca6: f1
10. Jh1: f1	Kb8—d7
11. 0—0—0	h7—h6

Здесь следовало сразу сыграть 11. ... c6, загромождавая прорыв d4—d5.

12. Cg5: f6 Ce7: f6
13. e4—e5! Cf6—e7
14. Fb3—c4 c7—c6

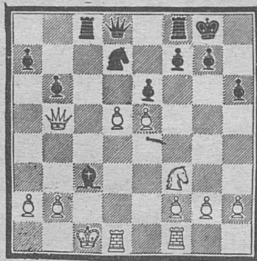
Делая этот ход, чёрные, конечно, рассчитывали, что белые не рискнут открыть

линию с. Однако белые точнее оценили позицию и смело идут на возникающие в связи с этим осложнения.

15. Fc4: c6 Ce7—b4
16. d4—d5!

Активная контригра по линии d — вот что должно дать компенсацию белым!

16. ... La8—c8
17. Fc6—b5 Cb4: c3

18. d5: e6!!

В этом вся соль! Как выясняется, у чёрного слона нет хорошего поля, для того чтобы дать открытый шах.

18. ... Fd8—e7

Недостаточно также 18. Fc7 из-за 19. J1: d7 (но не 19. ed, Ce1+!! и выигрываю). Cd2+; 20. Kp: d2, Fc2+; 21. Kp3, оставаясь с лишней фигурой.

19. e6: d7 Jc8—c5

20. Fb5—d3 Cc3—a5+

21. Kpcl—b1

Остальное, как говорят, — «дело техники». Две лишние пешки должны обеспечить белым победу.

21. ... Jf8—d8

22. Fd3—d6 Fe7: c6

23. Jld1: d6 Jc5—c7

24. a2—a3

Угрожая 25. b4.

24. ... b6—b5

25. Jf1—d1 Ca5—b6

26. e5—e6! f7: c6

27. Kf3—e5 Cb6—c5

28. Jld6: e6 Kpg8—f8

29. Le6—c6 Cc5—b6

30. Jc6—c7 Cb6: c7

31. Ke5—c6 Чёрные сдались.

Белые безупречно провели всю партию.

Смесь

САД ЧЕРНОМОРА

Когда было решено поставить только что написанную М. И. Глинкой оперу «Руслан и Людмила», композитора очень интересовали декорации сада Черномора.

Однажды он зашёл к своему приятелю, известному писателю князю Одоевскому, и поделился своим горем:

— Боюсь, что наши декораторы нарисуют мне разные балкончики с розанчиками. А мне бы хотелось небывалых, фантастических деревьев и цветов. Всё-таки Черномор был волшебник, и сад у него должен быть волшебный.

На столе Одоевского лежала книга с рисунками микроскопических растений и животных.

— Что это такое? — заинтересовался Глинка.

— А твой «черноморский сад», — шуточно ответил Одоевский.

Глинка ударил себя рукой по лбу.

— А ведь это идея! — воскликнул он. — Вот это будет сад, так сад!

И он отобрал несколько рисунков для декораций. Микроскопические растения, увеличенные до гигантских размеров, составили картину великолепного и сказочного сада Черномора.

ПЕРВЫЕ ФОНАРИ

Свыше двух столетий назад, осенью 1730 года, москвичи были приятно обрадованы: на главных улицах города вспыхнули первые масляные фонари. «Иллюми-

нацию» стали регулярно зажигать по вечерам на Тверской, Петровке, на Ильинке и Красной площади.

Высокие столбы с устроенным наверху затыливым сооружением находились друг от друга на небольшом расстоянии.

Сначала вместо стёкол в фонари была вставлена слюда. Мутное, жёлтое пламя казалось современникам ярким, «отменным». В полночь огонь гасили.

Два века назад на улицах Москвы ежевечерно зажигалось 600 фонарей.

СЛУЧАЙ С МАРК ТВЭНОМ

Дело происходило в юношеские годы Марка Твэна, когда он работал редактором небольшой газеты в Миссури. Кто-то из суеверных подписчиков газеты обнаружил между листами полученного им номера большого паука и обратился к редактору с письмом, в котором спрашивал, к счастью эта находка или нет. Подписчик был владельцем одного торгового дела и имел несколько магазинов. Марк Твэн, получив письмо, ответил:

«Найти паука между страницами газеты не означает ни счастья, ни несчастья. Паук забрался в газету, чтобы посмотреть, кто из торговых людей не помещает у нас своих объявлений, и затем уж отправиться в лавку такого человека, чтобы соткать свою паутину над дверью и защитить припеваючи, — благо никто не будет беспокоить».

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» А. Г. БАБУШКИН (Действующая армия)

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Музыкальный инструмент. 3. Огнестрельное оружие. 5. Кулуруза. 7. Город во Франции. 9. Правительственная награда. 10. Одежда древних римлян. 12. Земельная мера. 13. Двухколёсная телега. 15. Портовое сооружение. 16. Футбольный термин. 17. Большое дерево. 19. Охотничья сумка. 22. Молодёжный журнал. 24. Решающий этап наступления. 26. Божак. 28. Отрасль науки. 30. Лицевая сторона здания. 33. Почтовый знак. 36. Гребное судно. 38. Траурное прикрытие. 39. Часть лица. 40. Герой трагедии Шекспира. 41. Струнный музыкальный инструмент. 43. Дерево. 44. Огравиченное время. 46. Круглый свёрток бумаги. 47. Постельная принадлежность. 48. Река в СССР. 49. Яд в табак. 50. Хищное животное.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Перевозочное средство. 2. Письменное дипломатическое обращение. 3. Великий путешественник. 4. Счёт времени. 5. Выражение лица. 6. Химическое вещество. 8. Рыба. 9. Большой музыкальный инструмент. 11. Атмосферное явление. 14. Часть динамо. 17. Большой прокатный стан. 18. Порода попуаев. 20. Проводник. 21. Плоскодонное судно. 22. Восточное приветствие. 23. Буква греческого алфавита. 25. Число. 27. Пипа. 28. Титул духовного главы мусульман. 29. Глава муниципалитета. 31. Молочный продукт. 32. Вид разведки. 34. Мужское имя. 35. Система револьвера. 37. Вещество, применяемое в производстве красок. 38. Мужское имя. 41. Народный поэт. 42. Сводчатое перекрытие. 44. Рыба. 45. Столица одного из государств в Северной Африке.

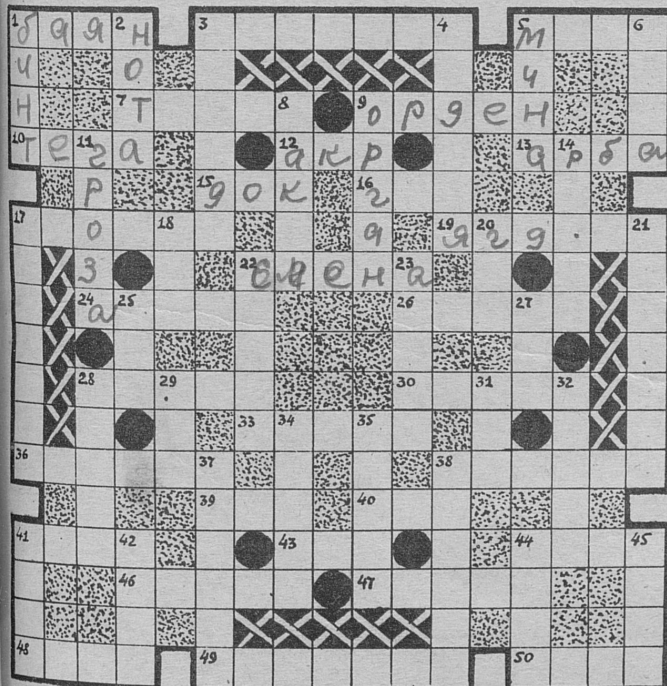
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 14—15 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Опыт. 7. Устье. 9. Ария. 11. Ода. 12. Рок. 15. Кимсино. 17. Сфера. 20. Оправа. 22. Карпер. 23. Окорок. 24. Фрегат. 26. Наждак. 28. Ковыляк. 31. Мрамор. 34. Кук. 36. Отклик. 38. Карта. 40. Олена. 41. Пюре. 42. Оксостр. 43. Край. 44. Астма. 46. Оазис. 48. Тризна. 50. Акт. 52. Сатурн. 54. Аппарат. 55. Пробка. 58. «Илиада». 61. Оратор. 64. Поленьо. 67. Мичман. 68. Страх. 70. Рацион. 71. Лён. 72. Пол. 73. Сени. 74. Калок. 75. Анна.

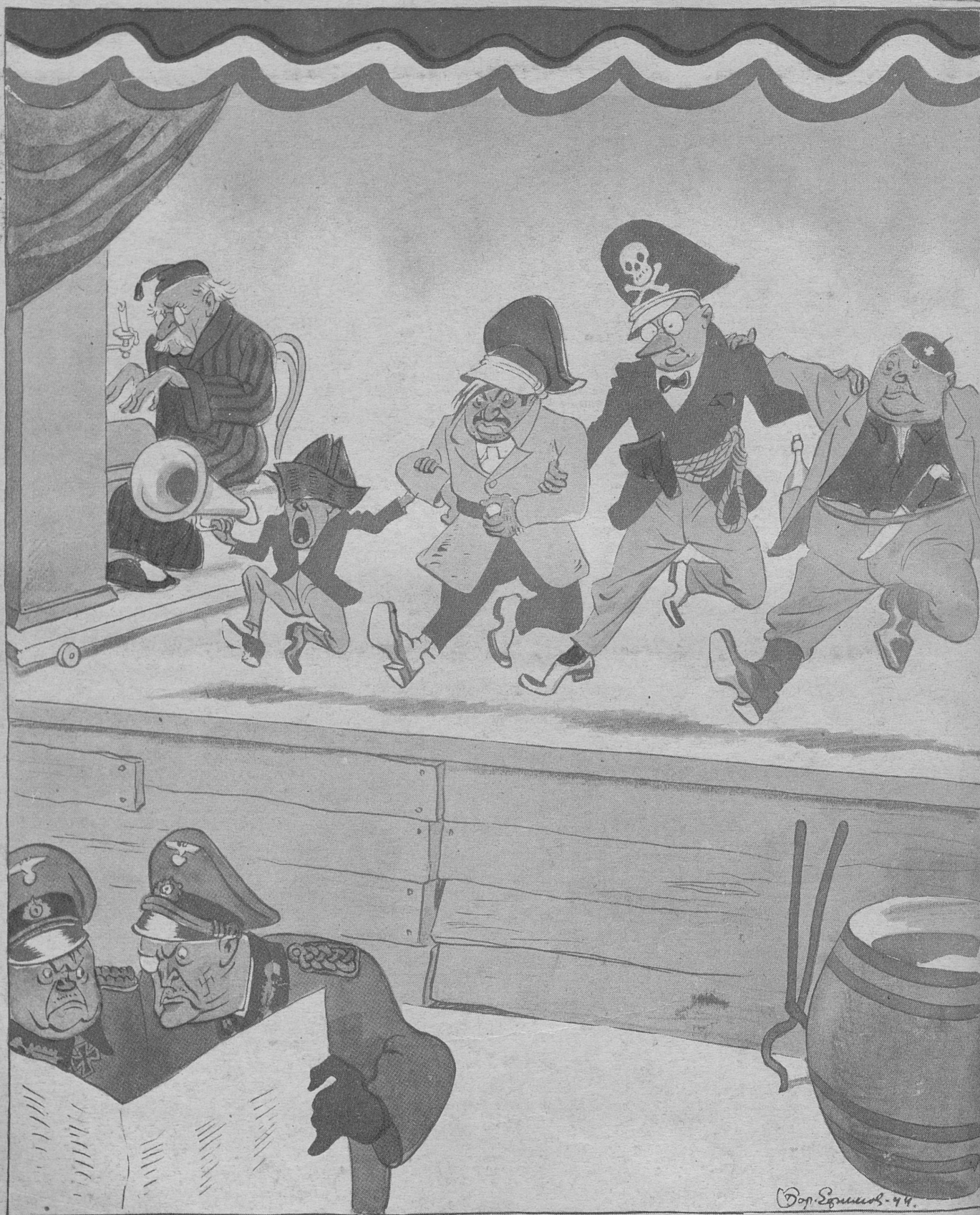
ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Штопор. 2. Туансе. 3. Чердак. 4. Фактор. 6. Папка. 8. Тира. 10. Игarka. 13. Икар. 14. Лава. 16. Натура. 18. Франк. 19. Ролик. 21. Понтон. 25. Ева. 27. Дол. 28. Котомка. 29. Нулёвка. 30. Антракт. 32. Рупор. 33. Океан. 36. Такса. 37. Инжир. 39. Ара. 40. Оло. 45. Сахара. 47. Испина. 49. Иго. 50. Апорт. 51. Тропа. 53. Уфа. 56. Ромб. 57. Комета. 59. Лопман. 60. День. 62. Анилин. 63. Оранка. 65. Охалка. 66. Ералаш. 69. Ранг.

ПОСЛЕДНИЕ ГАСТРОЛИ ВИШИЙСКОГО БАЛАГАНА

В роли Геббельса — Филипп Анрио, в роли фюрера — Лаваль, в роли Гиммлера — Дарнан, в роли Лея — Деа и другие.

Рисунок Бор. Ефимова.

1944 г.
П. А. № 4-585

9 МА
ДЕНЬ
ШЕНА
ДИНЕ
ГЕРОИ
СЛАВ
НО-М
НОМ
В ЧИ
ВСТУП
СТАРШ
БА И
СЕРЖА
ОНИ
СКОЙ
ПОЛЯ
ЗАДНЕ
РИ